Дом в этнокультурном пространстве

Минобрнауки России
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»
Институт истории и права
Институт гуманитарных наук
Кафедра истории России и зарубежных стран
СНИЛ «Традиционная культура народов Европейского северо-востока»
НОЦ «Проблемы освоения северных территорий:
история и современность»
НОЦ «Духовная культура европейского севера России»

ДОМ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник научных трудов

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2015

УДК 728.03
ББК 63.5
Д66

Печатается по постановлению научно-технического совета ФГБОУ ВО «СГУ имени Питирима Сорокина»

Рецензенты:

Н.М. Теребихин – директор Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики, кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В.Ломоносова;

С.Е. Павлюшин – начальник отдела по охране объектов культурного наследия Министерства культуры Республики Коми.

Д66 **Дом в этнокультурном пространстве :** сборник научных трудов / сост. Т.И. Чудова, Т.С. Канева. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – 120 с.

ISBN 978-5-906810-14-4

Настоящее издание представляет собой сборник статей студентов историко-филологических специальностей Сыктывкарского государственного университета, выполненных на основе их выпускных квалификационных работ и являющихся творческим завершением их самостоятельных фундаментальных и прикладных исследований. Все работы объединяет один объект изучения – дом, жилое пространство, все они выполнены в регионально-локальном ключе и связаны с разысканиями в области традиционной культуры европейского севера России, осуществляющимися научными коллективами Института истории и права и Института гуманитарных наук СГУ им. Питирима Сорокина.

Предназначено для специалистов по истории, этнографии и фольклористике, преподавателей и студентов, а также для краеведов и всех, интересующихся традиционной культурой европейского севера.

УДК 728.03
ББК 63.5

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2015

ISBN 978-5-906810-14-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая читателям книга представляет собой сборник статей студентов-историков и магистранта-филолога, выполненных на основе выпускных квалификационных работ и являющихся творческим завершением их самостоятельных фундаментальных и прикладных (полевых) исследований. Обращение к теме локальных традиций организации культурного пространства в рамках общей темы исследования «Дом в этнокультурном пространстве» делает эту книгу особо привлекательной. Общие тенденции освоения пространства дополняются локальной спецификой, что открывает перспективу решения вопроса об аргументированном выделении этнографических микрорайонов и позволяет очертить их границы.

Структура и содержание книги вписаны в концептуально-методическую парадигму доместикации пространства, рассмотренную сквозь призму модели этнокультурной адаптации, а междисциплинарный подход к изучению актуальной проблемы традиционных основ и ценностей культуры народов европейского северо-востока России открывает новые возможности в решении данного вопроса.

Статьи Е.А. Худина и С.В. Немчинова представляют собой результаты исследований локальных традиций формирования этнокультурного ландшафта, который включает как рациональные аспекты хозяйственного преобразования, так и духовное содержание доместицированного пространства. Немногочисленность основных плановых решений и конструктивных приемов в архитектурных формах построек привели к стандартизации, которая,

однако, не выглядит однообразно-серой в силу умения строителей разнообразить мелкими штрихами общие типовые решения. Самостоятельно составленные карты-схемы Е.А. Худина выступают доказательной базой основных положений статьи.

Работа А.А. Плехова посвящена изучению объектов деревенской архитектуры летского этнографического микрорайона, а серия иллюстраций демонстрирует ее богатство. Выполненная классификация и сравнение с традиционными постройками других этнографических групп позволяют автору обратить внимание на специфику в домостроительстве, связанную с природно-географическим фактором.

А.А. Колегов и А.В. Бутырева, основываясь на архивных и собственных полевых материалах, рассматривают строительную обрядность сысольских и вашкинских коми. Реализация циклов строительных ритуалов, отражающих процесс реального развертывания основных технологических операций по возведению дома в соответствии с мифопоэтической картиной мира, дополнена обрядами местного, в том числе старообрядческого (у вашкинских коми), характера, что составляет специфику этих этнографических микрорайонов.

К числу несомненных достоинств работ историков относится источниковая база, основу которой составляют архивные и собственные полевые материалы, в том числе впервые введенные в научный оборот.

Статья Е.О. Максимовой обращена к отражению образов жилища в фольклорной картине мира, а именно – в жанре причитаний русских традиций Печоры (Усть-Цилемского района Республики Коми и Ненецкого автономного округа). Работа выполнена на основе большого корпуса архивных (полевых) и опубликованных текстов. Результаты систематизации выявленного материала представлены в двух приложениях к статье: «Жилище в причитаниях Печоры: алфавитный указатель слов и относящихся к ним определений» и «Жилище в причитаниях Печоры: частотно-тематический пожанровый перечень номинаций». Сама же статья предлагает основные наблюдения относительно связи

фольклорных образов жилого пространства с обрядовыми коммуникациями, которые оформляет исследованный жанр.

Все публикуемые работы лежат в русле изучения традиционной культуры европейского севера России, осуществляющегося научными коллективами Института истории и права (кафедрой истории России и зарубежных стран, студенческой научно-исследовательской лабораторией «Традиционная культура народов Европейского северо-востока», научно-образовательным центром «Проблемы освоения северных территорий: история и современность») и Института гуманитарных наук (научно-образовательным центром «Духовная культура европейского севера России»).

Е.А. Худин

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ ЛОКЧИМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

С приходом в деревню квартально-уличной планировки появился видимый порядок, вытеснивший прежнее расположение домов. Индивидуальное жилищное строительство перестало подчиняться вековым традициям, исчезла однообразность, характер застройки стал эклектичным. Многие практики домостроительства утеряны, а некоторые остаются неизвестными. Одна из таких традиций была выявлена в ходе сплошного обследования одного этнографического микрорайона и представлена в данной публикации.

Интересный образец старинной архитектуры сохранился в селениях по берегам реки Локчим, левого притока могучей зырянской реки Эжвы, по-русски Вычегды. Это левобережные село Позтыкерес и деревни Бояркерес, Конша, Дань, Четдино и Лопыдино и правобережное село Мордино.

Локчимский этнографический микрорайон административно входит в состав Корткеросского района Республики Коми. В силу ряда причин принципы организации планировочной структуры локчимских поселений сохранились в неизменном виде и характеризуют традиции середины XX века. Этнографическая специфика этого микрорайона обусловлена длительной обособленностью от основной транспортной артерии: до начала XX века связь между населенными пунктами внутри микрорай-

она и с районным центром осуществлялась в летний период по судоходной реке Локчим, а в зимнее время дополнительно существовало сообщение и с дер. Кочпон под Сыктывкаром[1]. Ситуация изменилась в 30-х гг. XX века, что связано с началом коллективизации. Для тысяч спецпереселенцев стали образовывать новые поселки. В окрестностях Лопыдино в 1931 году были созданы поселки Соль[2], Веж[3]. На противоположном берегу д. Четдино в том же 1931 году образовался поселок Сапыч[4]. В 1930-х гг. образовались поселки Намск[5] и Вэрью рядом с селом Мордино. В 1956 году официально был зарегистрирован посёлок Собино[6], в 1966 году – Веселовка[7]. Жители новых посёлков работали на лесозаготовках. Лесная отрасль народного хозяйства республики являлась приоритетной в то время. Поэтому и снабжение продовольствием и развитие инфраструктуры переместилось из сёл и деревень в новые населённые пункты. Туда же сместились и центры сельских администраций. Так село Лопыдино уступило право центра посёлку Намск и в 1977 году стало деревней[8]. Из села Мордино все органы управления сместились в рядом расположенный посёлок Вэрью. Новое строительство велось исключительно в посёлках, в то время как в исконных коми селениях Локчимского этнографического куста процесс домостроительства словно замер в середине XX века. В результате этих причин (относительная изолированность до 30-х гг. и приостановка домостроения в 50-60 гг. XX века) появилась возможность проследить

[1] Жеребцов Л.Н. Локчимский этнографический микрорайон // Известия Коми филиала ВГО. 1967. Т. 2, Вып. 1 (11). С. 147.

[2] Жеребцов И.Л. Где ты живёшь: Населённые пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. С. 347.

[3] Там же. С. 34.

[4] Там же. С. 330.

[5] Там же. С.244.

[6] Там же. С. 345.

[7] Там же. С. 43.

[8] Там же. С.211.

планировочную структуру селений такой, какой она создавалась и существовала на протяжении веков.

Традиционным типом дома в этом микрорайоне выступает трёхраздельный дом или изба со связью по классификации Е.А. Ащепкова[9]. В этнографической литературе принято номинировать его как сысольский, или сысольско-вычегодский, тип дома[10]. Сегодня его можно назвать вычегодским, поскольку, по наблюдениям автора данной работы, он остается довольно распространенным на средней и верхней Вычегде, тогда как на Сысоле таких домов почти не осталось. Такой дом состоит из двух изб на подклетах, стоящих рядом на расстоянии не более двух метров, где устроены сени. Вход в сени осуществляется через крыльцо. Обе избы с сенями покрыты односкатной крышей самцовой конструкции с наклоном в сторону крыльца. На эту же сторону выходят по два окна каждой из изб. Эту сторону дома принято считать лицевой, или передним фасадом[11] (рис. 1). С противоположной стороны к дому примыкает трехстенный сруб хозяйственной половины, также покрытый на один скат.

По мнению И.Н. Шургина, завершающим этапом эволюции сысольско-вычегодского типа дома стала замена одной из двух его четырехстенных изб пятистенком или шестистенком, занявшим при этом половину хозяйственной части дома[12]. В результате у дома образовались два фасада, старый и новый. На рис. 2 показан дом с пятистенком.

Следующим по распространенности выступает дом-пятистенок[13]. Он представляет собой квадратный или прямоугольный сруб, разделенный пятой капитальной стеной, делящей помеще-

[9] Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Акад. архитектуры СССР, 1950. С. 35.

[10] Шургин И. Н. Народное жилище коми // Архитектурное наследство. 1988. № 35. С. 50; он же. От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура коми. М.: Совпадение, 2009. С. 26.

[11] Там же. С. 25.

[12] Там же. С. 27.

[13] Ащепков Е.А. Указ. соч. С. 38.

ние на две равные или неравные части (рис. 3). Пятистенок покрыт двускатной крышей, на лицевую сторону обращено большинство окон. Вход в дом осуществляется через высокое крыльцо, организованное с боковой стороны.

И сысольско-вычегодский дом, и пятистенок дифференцированы на жилую и хозяйственную части. Ярко выраженная лицевая сторона дома помогает нам более точно выявить пространственную организацию населенных пунктов, представленных на планах-схемах. В качестве основы были использованы карты Геопортала Республики Коми.

На рис. 4-10 красными стрелками показаны направления фасадов домов сысольско-вычегодского типа, зелеными стрелками обозначены направления фасада пятистенка, получившегося в результате перестройки одной из изб сысольско-вычегодского дома, синими стрелками обозначены направления фасадов домов типа пятистенок. Черным крестом обозначена существующая церковь в с. Позтыкересе, синим крестом – утраченная церковь в дер. Лопыдино и селе Мордино, черным кружком с крестиком обозначена существующая часовня в дер. Четдино, синим кружком с крестиком обозначена утраченная часовня в дер. Конша, а желтым кружком с крестиком – новая часовня в Конше.

Анализ планов населенных пунктов позволяет утверждать, что основное направление фасадов домов южное, юго-восточное и юго-западное. Все селения расположены у подножия холмов с северной, северо-западной и северо-восточной сторон. Возвышенность не застроена, лишь у самого края приютились один-два дома. Также и культовые сооружения, храмы и часовни не занимают доминирующей высоты, располагаясь в общем ряду жилых домов. Такой характер застройки связан с развитием земледелия, для успешного ведения которого на севере нужны открытые возвышенные места по южным склонам[14]. Это прекрасно иллюстрируется на примере поселений Бояркерес, Позтыкерес, Конша, Дань, Четдино и Лопыдино. Пашенные угодья защищены от хо-

[14] Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX–начало XX в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 153.

лодного речного ветра. Сами же селения, защищаясь от северного ветра, обращали окна домов в сторону холма, озадками к северу. В результате дома оказывались защищенными, с одной стороны, возвышенностью, с другой – хозяйственными половинами, похожими на крепостные стены.

Подобную картину ориентации фасадов мы видим и на правом берегу реки Локчим в селе Мордино (рис. 11). Однако здесь вершина холма полностью застроена. Там же на вершине стояла до разрушения в 30-е годы XX века каменная церковь. Очевидно, жители старинного села применили несколько иной метод хозяйственного освоения территории. Какой он – предстоит еще выяснить в ходе дальнейших исследований.

Говоря об особенностях планировочной структуры Локчимского этнографического макрорайона, необходимо сравнить ее со структурами других поселений нашей республики. В литературе, посвященной архитектуре коми (зырян), мнения авторов во многом совпадают. Л.П. Рощевская отмечает наличие архаичных форм планировки, таких как беспорядочность, и рядовая, при которой фасады домов обращены на реку или дорогу[15]. И.Н. Шургин отмечает, что дома сысольско-вычегодского типа ориентированы всегда на реку, озеро или главный деревенский проход[16]. Т.И. Чудова и С.И. Чудов, рассматривая планировочную структуру коми селений в контексте двуединства материального и духовного в архитектуре, отмечают ориентацию домов на реку как соответствующую мифопоэтической картине мира[17]. Л.Н. Жеребцов и Л.П. Лашук, изучая материальную культуру населения Верхней Вычегды, также отмечали неизменную ориентацию фасадов на реку. Эту же особенность в прибрежно-рядовых селениях, а также сохранившуюся до наших дней беспо-

[15] Рощевская Л.П. Архитектура и строительство в Коми крае в конце XIX–начале XX веков : очерки истории. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2005. С. 7-8.

[16] Шургин И.Н. От лесной избушки до церкви дивной. С. 25.

[17] Чудова Т. И., Чудов С.И. Традиционная архитектура коми (зырян): доместикация пространства. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2013. С. 26.

рядочность в планировке селений, подчеркивает и М.Б. Рогачев[18]. Пожалуй, единственным исследователем, придерживающимся диаметрально противоположного мнения об ориентации жилищ коми (зырян), остаётся до настоящего времени В.Н. Белицер. Стоит процитировать её наблюдения: «Большое значение в планировке деревень имеет ориентация по сторонам света. Большинство изб в деревнях коми обращено фасадом на юг или юго-запад. Постановка избы в этих направлениях характерна не только для беспорядочной или рядовой застройки, но и для деревень с уличной планировкой, в которых зачастую можно встретить дома, повернутые фасадом не на улицу, а в переулок, или поставленные как-либо боком для того только, чтобы солнце как можно больше проникало в избу»[19].

Замечание В.И. Белицер согласуется с нашими наблюдениями над ориентацией домов в Локчимском этнографическом микрорайоне. Эту же особенность отмечал на примере села Мордино и деревни Лопыдино во время экспедиции 1960 года Л.Н. Жеребцов[20]. Планы поселений, представленные на рис. 4-10, подтверждают это высказывание. При этом только деревня Бояркерес имеет несколько отличную планировочную структуру.

Такое расхождение в определении ориентации фасадов домов связано с тем, что исследователи, оценивая планировочную структуру, рассматривали её в целом, не выделяя этнографические микрорайоны. Хотя необходимость разделения на районы при изучении материальной культуры отмечал ещё в XIX веке один из основоположников абстрактного искусства В.В. Кандинский, посетивший нашу республику в 1889 году[21].

---

[18] Рогачев М. Б. Поселения и жилище // Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа / сост. Н. Д. Конаков. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 186.

[19] Белицер В. Н. Указ. соч. С. 154.

[20] Жеребцов Л.Н. Локчимский этнографический микрорайон. С. 147.

[21] Кандинский В. В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям) // Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 году /

Ориентировка на юг не является уникальным явлением микрорайона. За пределами Республики Коми такую планировку поселений отмечал К.К. Романов во время Пинежско-Мезенской экспедиции 20-х годов XX века[22]. М.И. Мильчик, обследуя Пинегу и Мезень, подчеркивал, что некоторые деревни «отвернулись» от реки, когда река оказывалась на севере от деревни, поэтому большинство мезенских деревень расположены так, чтобы река была с южной стороны, в этом случае окна домов выходят одновременно и к реке, и на солнечную сторону[23].

Характеризуя беспорядочную планировку селения, авторы часто цитируют краеведа М. Михайлова: «один дом упирается в другой углом или стоит боком, будто отвернулся, построясь к нему задней стороной»[24]. Не касаясь ни самого термина «беспорядочность», ни пришедшего ему на смену термина «свободная» планировка, рассмотрим само высказывание. Под это описание точно подпадает расположение домов каскадом или шахматным порядком. Такое расположение характерно для домов сысольско-вычегодского типа, что связано с тем, чтобы, по выражению Л.Н. Жеребцова, не «заслонять другим горизонт»[25]. И такая ориентация фасадов домов не является этномаркирующим признаком, а встречается, например, в Карелии. В Карелии это «закон створ», когда мысленное продолжение боковых граней дома являлось ограничением для последующих застройщиков[26].

Рассматривая вторую часть фразы М. Михайлова – «построясь к нему задней стороной», можно предположить два ва-

---

сост. И. Н. Котылева. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2013. С. 52.

[22] Романов К. К. Жилище в районе реки Пинеги // Крестьянское искусство в СССР. Л.: Академия, 1928 С. 11.

[23] Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л.: Искусство, 1971. С. 112.

[24] Цит. по: Рогачев М. Б. Поселения и жилище. С. 185.

[25] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971. С. 32.

[26] Орфинский В. П. Закономерности развития архитектуры. Л.: Стройиздат. Ленинградское отделение, 1987. С. 162.

рианта увиденной Михайловым планировки. В первом варианте – это многорядная застройка при ориентировке фасадов в одну сторону. Во втором – когда один или несколько домов ставятся перпендикулярно основному ряду. Такое расположение встречается в Локчимском этнографическом микрорайоне, что наглядно продемонстрировано на рис. 7, когда красные стрелки направлений фасадов пересекаются под прямым углом. Такой пример расположения домов является, по мнению исследователей, наиболее древним, пришедшим из Скандинавии[27].

В целом принципы планировочной структуры Локчимского этнографического микрорайона подчиняются, говоря словами А. В. Ополовникова, «железной, нерушимой закономерности»[28]. Суровая северная природа, веками диктовавшая свои условия непокорным свободным зырянам, способствовала выработке определенных правил, закрепившихся в традиции, таких как компактное расположение поселения у подножия холма и ориентация фасадов домов в южном направлении. Сельчане не подстраивались под природный рельеф, а сумели приспособить его сообразно своим целям. Придерживаясь этих традиций, локчимские коми сумели сохранить свою национальную специфику.

Немногочисленность основных плановых решений и конструктивных приемов в архитектурных формах локчимских построек привела к стандартизации, не являющейся чем-то скучным, однообразно-серым в силу умения строителей разнообразить мелкими штрихами общие типовые решения. Так, перпендикулярность расположения некоторых домов не нарушала, а лишь оживляла, подчеркивала строгий порядок деревни. А комбинирование разной длины жилой и хозяйственной половин дома, создающее «вынутый угол», придавало домам величественный, монументальный вид.

---

[27] Строгальщикова З. И. Традиционное жилище Межозерья 1900-1960. Опыт сравнительно-статистического анализа. Л.: Наука, 1986. – С. 63.

[28] Ополовников А. В. Русский Север. М.: Стройиздат, 1977. С. 28.

Анализируя динамику домостроительства, с сожалением приходится констатировать, что старинные практики уходят в прошлое, «уходящей натурой» стала коми деревня. Процесс этот начался ещё в середине XX века, когда почти остановилось строительство новых домов в традиционном стиле. Сейчас, когда подходит к концу ресурс сысольско-вычегодского дома, построенного 100 лет назад и всё меньше остается таких строений, им на смену приходят современные дома. Эклектика заменяет старинный ансамбль коми деревни. Пестренькие домики различных конструкций, цветов и размеров заменяют монументальный дом с односкатной крышей. Примером тому служит деревня Бояркерес, нарушившая одно из правил застройки левобережных локчимских селений: не строиться на вершине холма. Сейчас деревня почти вся застроена современными домами, а в двух сысольско-вычегодских домах живут только летом.

С. В. Немчинов

ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ИЖЕМСКОГО ПРИПЕЧОРЬЯ

Поселения предков коми представляли собой городища и селища, которые в основном были сосредоточены по берегам рек[1]. Факт расселения предков коми в прибрежной зоне подтверждается археологическими данными. Это можно объяснить тем, что реки, во-первых, были основными путями передвижения, во-вторых, обеспечивали продуктами питания и водой. С практической точки зрения вполне логично было строить поселения на реках. Но появление прибрежного типа застройки можно было объяснить и с точки зрения мифопоэтической картины мира, так как река, по представлениям коми, выступала границей миров – мира живых и мира мертвых[2].

В символическом плане деревня однолинейна, что объясняется изоморфизмом, взаимозаменяемостью в традиционных верованиях реки, дороги и человеческой жизни. Символика сельского пространства обусловлена мифопоэтическими воззрениями, которые связаны с рекой. Представляется привлекательной преемственность между древней и традиционной топографией поселений, но, к сожалению, трудно доказуемой. Хотя сам по себе факт

[1] Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов XIX–начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 147.

[2] Семенов В.А., Чудова Т.И. Введение в коми этнологию. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2004. С. 39.

существования во времени и пространстве общих принципов формирования планировочной структуры поселений весьма примечательный. Первоначально осваивался один из берегов реки, а местоположение населенного пункта напрямую зависело от рельефа берега. Селения в своем большинстве занимали высокий, не заливаемый в половодье берег, выступая центром окружающего ландшафта[3]. Тип заселения, как и внутренняя планировочная структура села, характерные для того или иного народа, диктуются, как известно, природными условиями края, хозяйственной стратегией населения, а также историческими традициями, сложившимися на протяжении ряда столетий[4].

Так, село Брыкаланск расположено на высоком правом берегу реки Печоры, на расстоянии 352 километров ниже города Печоры. Вначале оно называлось Сазоново, а позднее Кыдзкар. Народное название поселения сохранилось до настоящего времени. Село расположено на высоком берегу не самой Печоры, а шара – старицы. У Брыкаланска река делает поворот на юг, а немного ниже поворачивает на северо-запад, т.е. река огибает село. В ижемском диалекте слово «карэкытш» означает делать петлю, отсюда и название – Кыдзкар.

На расположение жилых построек в селе могут влиять различные факторы. Обращение фасадов домов в сторону различных ориентиров не только связано с религиозно-мифологическим аспектом, но имеет и практическое значение. Таких ориентиров непосредственно в самом селе несколько. Это, во-первых, дорога, которая охватывает село вокруг, и немало построек обращено своими фасадами именно на этот искусственный ориентир. Главная дорога охватывает село, а общая протяженность этой дороги составляет приблизительно два километра. При этом, так как дома в разных частях села ориентированы фасадами в сторону дороги, может сложиться ложное впечатление, что дома располо-

[3] Чудова Т.И., Чудов С.И. Традиционная архитектура коми (зырян): доместикации я пространства. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2013. С. 27.

[4] Белицер В.Н. Указ. соч. С. 152.

жены беспорядочно, не имея общего ориентира. Но это только на первый взгляд.

Фасады многих домов также обращены к реке. Но есть такие жилые постройки, которые ориентированы не на дорогу, не на реку, а на ручьи, протекающие непосредственно в самом селе. Ручей Пальник шор находится в трех километрах от ручья Брыкашор (номинирован по названию родной деревни первого поселенца Даниила Терентьева, по прозвищу Гыж-Дань)[5]. Место было выбрано не случайно: именно на этом месте простирались обширные луга, а напротив он увидел большой богатый рыбой водоем – шар (старицу)[6].

Рассматривая выселок Шорсай (букв. за ручьем)[7], можно заметить, что все дома направлены фасадами в сторону реки. Нет в пределах данного выселка ярко выраженной дороги, что исключает этот ориентир. Ручей в данном случае также не является ориентиром. На рис. 12 можно увидеть, что все дома без исключения в выселке Шорсай ориентированы фасадами на реку.

Еще одним ориентиром служит ручей Рыжкошор, который протекает выше Пальникшора по течению реки Печоры, но находится в самом селе. Почему так назван ручей, неизвестно. Выселок за этим ручьем называется Новый поселок. Он весьма интересен для изучения топографии, так как через него пролегает дорога, ведущая в деревню Чика, и эта дорога оказала влияние на облик выселка. Дома здесь обращены фасадами друг к другу, расположены они в четыре ряда. Первый, ближний к лесу, ряд направлен фасадами в сторону дороги и, соответственно, в сторону реки Печоры. Второй ряд направлен также в сторону дороги, но уже с другой стороны, то есть фасадами в сторону леса, а два последующих ряда уже направлены непосредственно на реку.

---

[5] Жеребцов И.Л. Где ты живёшь: Населённые пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. С. 24-25.

[6] Терентьев П.И. Брыкаланск – село печорское. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1973. С. 5.

[7] Там же. С. 6.

Как известно, работа над строительством дома начинается с выбора места. При этом учитывалась ориентация на солнце, господствующие ветры, уровень паводковых вод и красота местности[8]. Неблагоприятные природно-климатические условия (холодные ветры и снежные заносы) предопределяют объёмно-пространственные решения, обеспечивающие защиту или изоляцию посёлка от неблагоприятного воздействия среды обитания. При благоприятных условиях, напротив, планировочные решения обеспечивают раскрытие и взаимопроникновение застройки и природной среды.

Так, дома в селе Брыкаланск в основном направлены фасадами домов на солнечную сторону, а с другой стороны защищены лесом от промозглого северного ветра. Обращение фасада дома на юг или юго-запад можно объяснить тем, что при таком расположении избы солнце долго проникает в избу, что обеспечивает дополнительное тепло и освещение жилого пространства[9].

Природная среда подсказывала народным архитекторам зрительные границы селения и принципы расположения жилищ внутри него, его планировочный и композиционные приемы[10]. При этом учитывалось расстояние до основных сооружений, их высота, обозреваемость селения и его элементов с различных направлений при движении по суше или воде[11]. Селения рассматривались как неотъемлемая часть природы, т.е. фактически архитектурные объекты органично вписывались в природное окружение.

Ученые отмечают, что народные зодчие очень многое учитывали при строительстве, заботились о красоте самого места поселения и возводимых ими построек. Конечно, на первом месте стояла целесообразность, но и эстетическая сторона никогда не забывалась.

---

[8] Щуров Г.С. Очерки истории культуры русского севера. Архангельск: Правда Севера, 2004. С. 150.

[9] Чудова Т.И., Чудов С. И. Указ. соч. С. 26.

[10] Щуров Г.С. Указ. соч. С. 150.

[11] Там же. С. 150.

В этом плане село Брыкаланск отличается продуманностью выбора места расположения. Паводковые воды не грозят этому селу даже при рекордно высоком уровне воды в реке Печоре. С северной стороны населенный пункт защищен лесом. В эстетическом плане дома на высоком берегу полноводной реки предстают перед зрителем во всей красе.

Окинув взглядом поселение, может сложиться неверное впечатление, что каждый житель строил, где хотел и как хотел. Но это не так. Наличие вышеперечисленных ориентиров говорит о существовании четких принципов организации культурного пространства, об упорядоченной ориентации фасадов домов. По мнению Л.Н. Жеребцова, беспорядочный тип застройки является древнейшим[12]. Однако эту версию опровергнул В.А. Семенов, который доказал, что в любом беспорядке имеется свой порядок[13], поэтому следует говорить, скорее, о свободной, а не беспорядочной планировке. Но направленность домов на естественные и искусственные ориентиры не всегда обеспечивала порядок во внутренней планировке села, увеличение численности населения села неукоснительно вело к тому, что дальнейшее строительство было бы невозможным без нарушения элементарных санитарных норм. Поэтому в 1957 году администрация села ходатайствовала перед Советом Министров Коми АССР о составлении генерального плана застройки села. Совет Министров помог, а институт «Комигражданпроект» в довольно сжатые сроки составил проект застройки села. Проект рассматривался на заседании исполкома сельского Совета и в основном был одобрен. Высказанные депутатами соображения были приняты проектировщиками. С тех пор в Брыкаланске построено более 20 крупных объектов как производственного, так и культурно-бытового назначения[14].

---

[12] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971. С. 30.

[13] Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1991. С. 50.

[14] Терентьев П.И. Брыкаланск – село печорское. С. 64.

Эти события коренным образом поменяли облик села. В дальнейшем жилые постройки возводились в соответствии с принятым проектом и ориентировались на объекты хозяйственного и культурно-бытового назначения. Но все же природные ориентиры сохранили свое значение при выборе места постройки, а ориентация фасада дома согласовывалась с природным окружением.

По словам местных жителей, важнейшим ориентиром была и остается река Печора. Если рассматривать дома, находящиеся на берегу, то можно заметить, что они следуют изгибу русла реки, то есть дома всегда стоят параллельно реке своими боковыми стенами, а фасады обращены либо в сторону ручья, либо в сторону дороги. По словам Александра Павловича Немчинова, который вырос в семье одного из лучших строителей села – Павла Игнатьевича Немчинова[15], при подобном расположении дома относительно реки и, соответственно, линии горизонта можно было смело ориентироваться на мусюр (горизонт) и при этом не пользоваться ватерпасом[16]. Фактически горизонт выступал лучшим ватерпасом.

Не стоит оставлять без внимания деревню Чика, расположенную приблизительно в трех километрах от села Брыкаланск. Селение основал в 1879 г. крестьянин Терентьев из Брыкаланска, к которому затем присоединились несколько брыкаланцев. Местоположение деревни Чика на реке Печоре более благоприятное, чем расположение села Брыкаланск. При выходе на реку Печору у жителей Чики нет никаких преград, для жителей села Брыкаланск преградой выступает остров, который расположен между старицей и руслом самой Печоры.

При въезде в деревню протекает ручей, на котором остановился Даниил Терентьев, и назвал его в честь своей деревни Брыкашор (д. Брыка – часть села Сизябск)[17]. Данный природный

[15] Там же. С. 65.

[16] Ватерпас – простейший прибор для проверки горизонтальности плоскостей, употребляемый при плотницких, земляных и прочих работах.

[17] Терентьев П.И. Брыкаланск – село печорское. С. 5.

ориентир вполне мог повлиять на расположение первых построек в деревне Чика.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что топография местности оказывала непосредственное влияние на расположение жилых построек в контексте села, а кажущуюся его бесплановость и беспорядочность внутреннего обустройства можно объяснить с практической точки зрения, так как каждый домохозяин при строительстве исходил из тех правил, которые были продиктованы его образом жизни. Например, охотники и рыболовы предпочитали прибрежный участок села, а те, кто занимался скотоводством, предпочитали участок села, находящийся ближе к лесу. Наличие большого количества как естественных, так и искусственных ориентиров оказывает влияние на внешний облик населенного пункта и его планировочной структуры.

Принципы организации планировочной структуры населенного пункта и выбор места для закладки будущего дома особо проявились в организации культурного пространства села Кипиево.

Село Кипиево, так же как и село Брыкаланск, располагается на правом берегу реки Печоры, на расстоянии 132 км от районного центра[18]. Дома находятся в непосредственной близи от реки Печоры. Весьма возможно, что во время паводков жилые и хозяйственные постройки первых переселенцев затапливались. Данный факт говорит о том, что еще и высота берега над уровнем реки оказывала влияние на выбор места при закладке будущего дома. Согласно газетной статье, написанной в честь 145-летия села, весной 1850 года из приижемских сел собрались семь хозяйств, погрузили свои вещи в лодки и поплыли по реке Ижме вниз, а потом, подняв паруса, поднялись вверх по реке Печоре до заранее облюбованных мест и поселились в двух местах. Они теперь называются «Мария веретя» (возвышенность на лугу) и «Важ оланін» (старое место жительства). В 1870 году жители перешли на правый берег реки Печоры. Причиной стало затопление домов во время паводков, и

[18] Жеребцов И.Л. Где ты живешь. С. 142.

только тогда село получило свое нынешнее название – Кипиево. До этого село носило название Севастополь. Но на сегодня объяснить старое название никто из местных жителей не может. Основатели села Кипиево к 12 июля 1850 года закончили сооружение полуземлянок. И именно этот день считается днем образования села[19].

На рис. 13 отчетливо видно, что фасады домов в разных частях села имеют различную направленность, а ориентирами служат река или дорога, которая в отличие от села Брыкаланск не огибает село, а пролегает через село, как бы разделяя его на две части.

Стоит детально рассмотреть расположение отдельных домов и найти объяснение их расположению в контексте села. Фасады двух домов, отмеченные на снимке под номером один, не имеют ориентации ни на реку Печору, ни на дорогу, которая пролегает в непосредственной близости от них. Боковые стены этих домов расположены параллельно реке и дороге. Логичного объяснения этому феномену нет.

Дома, отмеченные на снимке цифрой два, ориентированы фасадами на дорогу, а, соответственно, хозяйственные пристройки обращены в сторону реки. Наличие домов, ориентированных фасадами на улицу, пролегающей параллельно реке, говорит о том, что на рубеже XIX–XX вв. встала необходимость улучшения планировочной структуры села, т.е. реализовывался уличный принцип организации пространства.

На снимке видны дома, которые ориентированы фасадами в сторону реки Печоры. Это дома современной постройки, поэтому у нас нет оснований говорить о том, что подобная ориентация связана с древними представлениями о сакральном характере реки. Но есть основания считать, что в домостроительстве из века в век передавалась традиция располагать жилые постройки таким образом. В подтверждение этих слов можно привести данные о том, что местные жители связывают подобное расположение не только с традицией организации пространства, но и с со-

[19] Терентьев Н.А. Трудности только силы множили // Новый Север. 1995. 15 мая.

ображениями эстетического характера: «тадзи мичаджык» (так красивее)[20].

Дома, отмеченные цифрой четыре, ориентированы на улицу. Но они находятся по другую сторону дороги, поэтому их фасады обращены также и в сторону реки. Можно сделать вывод, что дальняя от реки часть села закладывалась гораздо позже, но строители продолжали древний порядок домов. Представляется важным подчеркнуть, что улица и река выступают основными ориентирами при закладке будущего дома, так как улица наследует функции реки как с практической, так и с символической точки зрения.

Не стоит исключать и такой естественный ориентир, как ручей. В селе, по словам местных жителей, протекал ручей, но со временем он исчез. Ручей называли «Катыд шор» (верхний ручей). Два дома были ориентированы фасадом в сторону этого ручья.

Еще одной отличительной чертой расположения домов в селе Кипиево является наличие домов, которые не ориентированы ни на реку Печору, ни на улицу. Этому есть вполне логичное объяснение. Эти дома находятся в отдалении от реки и от улицы, но параллельно реке Печоре протекает ручей Нижний Двойник, который, вероятно, и являлся ориентиром для этих домов.

Таким образом, на примере двух припечерских сел и одной деревни можно проследить принципы организации сельской планировочной структуры. Отчетливо видно, что при выборе места жительства учитывали природно-географический и климатический факторы, хозяйственную стратегию и пространственную ментальность, соотносимую с мифопоэтической картиной мира. В организации окультуренного пространства используется принцип согласования природной и архитектурной среды обитания, позволяющий создать неповторимый образ поселения. Северные зодчие продумывали до мелочей всю программу возведения жилой постройки, учитывая красоту как местности, так и самого здания, что свидетельствует об эстетическом восприятии среды обитания.

[20] ПМА: Рочев А.И. 1994 г.р. Республика Коми, Ижемский район, с. Кипиево. Запись 2014 г.

А.А. Плехов

ТИПОЛОГИЯ ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК ЛЕТСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Летский этнографический микрорайон – самая южная оконечность Республики Коми, представлен населенными пунктами: Летка, Мутница, Черёмуховка, Ручьпозья и др. Население, проживающее по берегам р. Летки и её притоков, до 30-х гг. XX века было в основной своей массе коми, но после сталинских репрессий здесь появились спецпоселения, где поселилось в основном русское население. Исторически так сложилось, что эта местность больше тяготеет к соседней Кировской области. Долгое время деревни южнее с. Летки входили в состав Вятской губернии как Слудская волость. Центрами торговли и общения были вятские города, а не Усть-Сысольск. В силу близости русских население всё время смешивалось, о чём свидетельствуют многочисленные русские фамилии, часто встречающиеся на соседней Вятке (Иванов, Рубцов и т.д.). Это тесное общение не могло не сказаться на культуре населения, в том числе и в строительстве, технологии возведения домов, обрядах, связанных с ними.

В географическом отношении район представляет типичную лесную ландшафтную зону, изобилующую многочисленными реками и озёрами. Своеобразие географической среды не могло не наложить своего отпечатка на хозяйственную деятельность коми населения, в жизни которого лесные промыслы долгое вре-

мя играли далеко не последнюю роль. Вместе с тем обследованный район располагает более плодородными и пригодными для обработки землями, чем северные (печоро-ижемские) районы, и богатыми заливными лугами, что способствовало развитию интенсивного животноводства. Поэтому с давних времён население занимается земледельческим и скотоводческим хозяйством[1].

Жилище и хозяйственные постройки коми XIX–XX вв. вполне отчётливо вырисовываются на основе собранных материалов и имеющихся этнографических публикаций. Этнографы выделили наиболее характерные типы жилища и хозяйственных построек, выявили их специфику, проследили обрядовую сторону строительства[2]. Но особенности жилых и хозяйственных построек отдельных этнотерриториальных групп, в том числе летского этнографического микрорайона, не изучены и требуют дополнительных этнографических исследований. По данной теме существует только одна работа, выполненная студентом исторического факультета С.И. Чудовым[3].

Корпус источников данной работы представлен, в первую очередь, архивными данными. Это экспедиционные материалы этнографической экспедиции студентов Сыктывкарского госуниверситета в Прилузский район Республики Коми в 2006 году, хранящиеся в научном архиве МАЭ СыктГУ. Собранный экспедицией материал представляет собой коллекцию фотографий, где запечатлены разные типы жилища и хозяйственные постройки летского микрорайона. Среди архивных документов особый интерес представляет научный отчёт О.Н. Воздвиженской о работе

[1] Воздвиженская О. Н. Отчёт о работе этнографической экспедиции 1950 года в южных районах Коми АССР//НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Ед. хр. 9. С. 3.

[2] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971; Шургин И.Н. От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура коми. М.: Совпадение, 2009.

[3] Чудов С.И. Типология домов летского этнографического микрорайона // Молодые исследователи – Республике Коми в рамках Всероссийской научно-социальной программы «Шаг в будущее»: сб. тезисов. Сыктывкар, 2007. С. 142-143.

этнографической экспедиции 1950 года в южных районах Коми АССР, хранящийся в фондах научного архива КНЦ УрО РАН[4]. Собранный материал представляет собой достаточно объёмную информацию о народном зодчестве в данном этнографическом микрорайоне и, прежде всего, о типах жилых и хозяйственных построек.

Источники по изучению домостроительства летских коми были расширены за счёт полевых материалов автора. В связи с отсутствием ответов на ряд вопросов по теме исследования в архивных документах был произведён дополнительный сбор информации посредством бесед с местными жителями. Полевые материалы автора представляют собой рукописные записи рассказов о практике домостроительства. Возраст информантов – от 51 года до 84 лет, это преимущественно мужчины, так как работа по строительству традиционно относится к мужской сфере деятельности. Этнографический материал содержит информацию о способах заготовки строительного леса и этапов возведения дома.

Поселения коми располагаются, как правило, вдоль рек на возвышенных участках надпойменной террасы или по берегам ручьёв и озёр. Тесная связь поселений с проточными водоёмами продиктована природными и хозяйственными условиями, поскольку до недавнего времени реки являлись единственным средством сообщения с соседними населёнными пунктами и экономическими центрами. На исследуемой территории «встречаются селения уличного типа, когда дома располагаются вдоль дороги. Причём встречаются селения уличного типа более нового подтипа, когда жилые постройки обращены фасадами к дороге»[5].

Крестьянское жилище представляет собой очень сложную постройку, объединяющую несколько помещений различного назначения. Под одной крышей находятся жилой дом и хозяйственный двор. По форме связи жилой части с двором, по расположению сеней, по взаимной расстановке изб в жилище, по форме крыши, по внутренней планировке жилых помещений на терри-

[4] Воздвиженская О.Н. Указ. соч.

[5] Воздвиженская О.Н. Указ. соч. С. 8.

тории коми выделяется ряд типов народного жилища. Каждый из них обладает определённой спецификой, своими характерными особенностями.

В типологический ряд домов летского этнографического микрорайона входят разнообразные жилища, которые имеют отличия как в конструкции, так и во внутренней планировке. Это однокамерные дома, избы-двойни, дома пяти – и шестистенки.

Однокамерное жилище является первоначальным звеном, «завязью» развития жилого крестьянского дома[6]. Оно состоит из одной избы, которая всегда представлена четырёхстенком. Возводится дом достаточно большой площадью с тремя или четырьмя окнами по фасаду. Крыша дома стропильной конструкции, двускатная. Особенностью устройства крыши является то, что кроме обычных двускатных крыш (рис. 14) широкое распространение получили дома с «залобком» (рис. 15), который защищает фасад здания от дождя и снега. Данная конструкция крыши также распространена в соседней Кировской области, что свидетельствует о наличии тесных контактов, вплоть до заимствования, между летскими коми и русскими соседнего региона. По форме крыши также можно выделить дома и с трёхскатной крышей.

Особенность внутренней планировки этого типа дома: русская печь расположена посредине помещения, чтобы обогревать одновременно весь дом. Устье печи повёрнуто к боковой стенке дома. Благодаря такому устройству внутренне пространство помещения с помощью перегородок делится на 2-4 комнаты. Теплоёмкость печи обеспечивала равномерный обогрев жилого помещения в течение круглых суток, позволяла долго держать в горячем состоянии пищу и воду, сушить одежду, спать на ней[7]. Вход в дом оформлялся сбоку всегда через крытые рубленые сени. Причём сени часто находились под одной крышей с санником.

Изба-двойня представляет собой два самостоятельных сруба, когда стены двух изб располагаются рядом. Приём устрой-

[6] Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 67.

[7] Там же. С. 67.

ства двух параллельных стен довольно давний. Возникновение его объясняется тем, что в этом случае отдельные срубы лучше сохраняются, так как единая стена между летней и зимней половинами от разницы температур и влажности быстро гниёт. Кроме того, этот способ лучше предохраняет от перехода насекомых (тараканов, клопов) из одной половины в другую, ведь прежде никаких других способов их уничтожения, кроме вымораживания, не знали[8].

В летском этнографическом микрорайоне можно выделить три подтипа избы-двойни. Первый подтип развился из двухкамерного дома, состоящий из избы и сеней. С ростом семьи к сеням с другой стороны пристраивалась вторая изба. Появление таких домов предопределило деление избы на летнюю и зимнюю половины. Зимняя половина – обычно четырёхстенок, а летняя половина может быть представлена и пятистенком. Вход в сени оформлялся по фасаду, а в жилое помещение – сбоку. В сени открываются двери обеих изб. В зимней избе всегда возводили русскую печь, полати располагались рядом с печью, оформлялся вход в подполье, лавки располагались вдоль стен. В летней избе также возводили русскую печь, но здесь не организовывали полати и вход в подполье. В зависимости от типа дома планировка избы была либо северновеликорусская, либо аналогичная однокамерному дому. В домах более поздней постройки вход в подполье появляется и в летней половине. За зимней половиной дома располагался двор. Крыша над всем домом визуально смотрится как единая, хотя каждая изба имела свою самостоятельную крышу. Крыши таких домов могут быть двускатными с «залобком» (рис. 16), трёхскатными или четырёхскатными.

Второй подтип избы-двойни также представлен двумя самостоятельными срубами, каждый из которых находится под самостоятельной крышей (рис. 17). Крыши таких домов либо двускатные, либо двускатные с «залобком», либо трёхскатные. Два сруба соединяются сенями, оформленными из досок. Сени расположены с лицевой стороны дома. Двор, находящийся за зимней

[8] Там же. С. 60.

половиной, имеет однорядную или глаголеобразную связь с жилой постройкой. Внутренняя планировка изб аналогична планировке однокамерного жилища.

К третьему подтипу относятся избы, которые стоят перпендикулярно друг другу, когда зимняя изба обращена на юг, а летняя – на восток (рис. 18). Внутренняя планировка изб всегда северновеликорусская[9].

Развитие избы-пятистенка обусловливалось рядом специфических причин и, прежде всего, жизненной необходимостью увеличения количества жилых помещений для крестьянской семьи. Часто в одном помещении жили не только родители, но и их женатые сыновья с детьми. Крестьянин вынужден был искать пути расширения жилой площади, присоединять к основному срубу избы дополнительные помещения. В наиболее благоприятном положении оказались крестьяне северных областей, в наличии которых было достаточное количество лесоматериала[10]. Формированию пятистенка способствовало также профессиональное мастерство северных плотников, славившихся своим умением строить. Таким образом, сложение нового типа жилой постройки было вызвано не только ростом бытовых потребностей северного крестьянина и экономических возможностей его хозяйства, но и закономерным развитием строительной мысли народных зодчих[11].

Пятистенок – очень распространённый тип дома, в котором появляется дополнительная капитальная стена. Вместо одного жилого помещения оформлялись два – изба и горница. Кухня и комната по площади равны, вход в комнату обустраивался из кухни. Форма связи жилой части с двором бывает однорядной, а также глаголеобразной. Сени расположены позади жилой постройки, образуя буферную зону между жилой и хозяйственной половинами. Вход в рубленые сени всегда крытый. Форма крыши двух видов – двускатная и с «залобком».

[9] Чудов С.И. Указ. соч. С. 142-143.

[10] Маковецкий И.В. Указ. соч. С. 87.

[11] Там же. С. 87.

Планировка внутреннего пространства жилища диктуется русской печью. Она располагалась справа или слева от входа, устьем к фасадной стороне дома. Это объясняется, прежде всего, климатическими условиями: такое положение печи больше способствует сохранению тепла и создаёт лучшие условия для хозяйки, готовящей пищу. Угол по диагонали от печи являлся парадной частью избы – здесь ставили стол, устраивали лавки, здесь ели, сюда приглашали гостей. Его называли красным (от древнего значения этого слова – «красивый»). В углу напротив печного устья женщины обычно пряли и ткали. Четвёртый угол предназначался для мужских работ[12]. Такая планировка кухни получила название северновеликорусской или севернорусской[13].

Для летских коми характерен также дом-крестовик. Он представляет собой многокамерный дом с двумя капитальными стенами-перегородками, оформляющими несколько отдельных комнат, создающих комфортные условия жизни семьи. Конструктивную основу этой постройки составляет связь шести капитальных стен. Особенностью планировки такого дома является наличие четырёх помещений, соединяющихся между собой с помощью дверей. Связь жилого помещения с двором однорядная. Сени располагаются позади жилой части дома, образуя буферную зону между домом и двором. Для этого типа дома характерна двускатная крыша, иногда с залобком. Внутренняя планировка аналогична планировкам дома-пятистенка.

В летском микрорайоне довольно часто встречаются дома с мезонином. Мезонин представляет собой летний тип жилья, где, как правило, не возводили печь. Такого рода сооружения можно наблюдать как на небольших однокамерных домах, так и на массивных пяти- и шестистенках (рис. 19).

---

[12] Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. С. 15-16.

[13] Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX–начала XX в. // Русские: этнографический атлас. М.: Наука, 1967. С. 138-139.

Следует остановиться ещё на одной характерной особенности северных жилищ: устройство дома на высоком подполье, которое оказалось очень полезным в хозяйстве[14]. Используется это подполье (джодж ув, джодж ыл, гёлбёч), главным образом, в качестве хранилища продуктов и особенно свежих овощей в зимний период. Туда же помещаются не портящиеся от холода и сырости, не нужные в постоянном обиходе вещи. Овощи хранятся в одной-двух специально вырытых ямах. Особенностью летских домов является то, что проникают в такое подполье прямо из кухни, а вход, имеющий форму люка, не связан с русской печью, как в других районах Коми, а расположен в полу у печи[15].

В домах с двускатной крышей чердачное помещение (подволока, гулю пётёк) было высоким и просторным, хотя и не имело стен. Свет на чердак проникал через щели и небольшое отверстие, прорубленное под самой крышей. На чердаке сушили бельё, веники, хранили старую утварь. Влезали на чердак по приставленной лестнице, в некоторых домах имелся специальный лаз с повети или из сеней[16].

Таким образом, для летского этнографического микрорайона характерны несколько типов жилых построек. Особенностью домостроительства летских коми выступают однокамерные дома, отличающиеся внешними параметрами (крыша с «залобком») и внутренней планировкой, где печь делит пространство жилой постройки на несколько частей. Внешняя конфигурация дома выделяется и примыкающей к жилой части хозяйственной постройкой в виде санника (улич).

Хозяйственный комплекс крестьянского двора функционально строго дифференцирован. Каждая постройка в нём создавалась с учётом специфики её использования.

Вплотную к жилью пристраивается обычный двухъярусный двор, но связь дома с ним может быть не только одноряд-

[14] Там же. С. 45-46.

[15] ПМА: Иванов В.И. 1930 г. р., д. Ручьпозъя, Прилузского района. Запись 2009 г.

[16] Белицер В.Н. Указ. соч. С. 190.

ной, но и глаголеобразной (рис. 15). Двор, как правило, имел два этажа. Наверху располагалась поветь (сарай), а внизу хлев (гид). В сарае хранили сено, ткацкие принадлежности, рыболовные снасти и другой хозяйственный инвентарь[17]. На одной стороне сарая имелись большие двустворчатые ворота, к которым с улицы поднимался настил из толстых неотёсанных брёвен – «взвоз». Появление взвоза диктовалось необходимостью доставки сена в сарай: небольшие стога сена на лошадях поднимались по взвозу прямо в сарай. Так экономились время и силы. На повети имелись один-два люка, через которые спускался корм скоту[18].

На нижнем этаже располагался собственно двор, где выделены конюшня и хлев для коровы и овец. Здесь имелись ворота, одностворчатые или двустворчатые, отворявшиеся внутрь. Через них выпускали во двор скот. Двор обычно строился с применением столбовой конструкции, которая позволяла по мере надобности менять столбы, поддерживающие углы сруба, так как они довольно быстро подгнивали из-за сурового климата и скопления влаги в закрытых хлевах, не имевших стоков[19].

Внутреннее устройство хлевов было довольно однотипным. В двух углах двора ставили срубы с бревенчатым потолком, дощатым полом, небольшими проёмами дверей и высокими порогами. Пространство между срубами забивалось досками, и это помещение служило конюшней. В одном из рубленых хлевов содержались корова и телёнок, во втором – овцы и свиньи (они были разделены перегородкой)[20]. Но чаще всего встречались хлева, состоящие из одного довольно большого сруба, поделённого перегородками на несколько помещений.

---

[17] ПМА: Рубцов А.Г. 1925 г. р., с. Мутница, Прилузского района. Запись 2009 г.

[18] ПМА: Иванов В.М. 1929 г. р., с. Летка, Прилузского района. Запись 2009 г.

[19] Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 193.

[20] Там же. С. 194.

В наши дни популярностью пользуется двор, расположенный отдельно от жилища, но в относительной близости от него. Вывод двора из-под одной крыши с жилой частью дома можно объяснить стремлением к созданию уютных условий проживания и соображениями гигиены. Такой двор тоже обычно двухэтажный. На верхнем этаже расположен большой сарай, где хранится годовой запас сена. Нижний этаж разбит на два отдела: передний (улич), сооружённый из досок, предназначен для хранения кормов и хозяйственного инвентаря, и непосредственно хлев (гид), где содержат скот. Причём эта часть хозяйственной постройки разбивается перегородками из досок на несколько помещений (жыр), где самое просторное помещение предназначено для коровы, остальные для телёнка, свиней, овец и птицы[21].

В летском этнографическом микрорайоне встречается санник, или улич, который представляет собой один из способов дальнейшего развития открытого двора с целью лучшего приспособления его к местным условиям и создания более удобного и компактного сооружения. Он, правда, сосуществует с обычным двухъярусным двором. Улич представляет собой постройку из тонкомерных брёвен или досок, крытую односкатной крышей, которая пристраивается к боковому фасаду дома (рис. 14). В тех случаях, когда дом с двором имел глаголеобразную форму (в форме буквы Г), улич устраивался во внутреннем углу этого дома. Улич прикрывает от снега вход в погреб, амбар, там же летом отдыхает скот и сохнут поленницы дров[22].

Колодцы (колодеч, юкмöс или öшмöс) устраивали повсеместно, где расстояние до реки или ручья было значительным. Их копали в усадьбе или на улице недалеко от дома, и тогда ими пользовались два-три и более хозяйств. Грунтовые воды залегали довольно близко, поэтому колодцы были неглубокими. Хотя встречаются колодцы глубиной до 12-15 метров.

[21] ПМА: Плехов А.Н. 1958 г. р., с. Мутница, Прилузского района. Запись 2009 г.

[22] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. С. 40.

В специально вырытую яму опускали сруб, иногда долбленую колоду. Воду доставали различными способами: длинной палкой с крючком, на который привешивали ведро, журавлями, колёсами и валами, а иногда просто ведром на длинной верёвке[23].

Во второй половине XX века, когда во многих сёлах и деревнях были протянуты водопроводы, колодцы начали терять своё значение как единственный источник воды. Но жители по достоинству оценили полезность чистой студёной колодезной воды, более того, вода из колодцев до сих пор используется для хозяйственных нужд: для бани и домашней скотины. Всё это способствует сохранению этого вида хозяйственной постройки.

Усадьба обычно огораживалась забором (потшӧс) из тонкомерных брёвен (потш) или штакетника (рис. 14). Ограда имела два входа: передний (калитка) для прохода людей и задний, в конце усадьбы, для въезда лошадей и подвоза сена.

Кроме построек для хозяйственных нужд, располагающихся непосредственно в пределах усадьбы, необходимо выделить ряд построек, локализировавшихся за её пределами.

Одной из таких хозяйственных построек, представляющих наибольший интерес, является амбар (жытник, кум). Это небольшой сруб площадью 3×3 или 3×4 метра, высота его всего 8-10 венцов. Как правило, амбар покрывался двускатной крышей. Доски крыши сверху прижимаются охлупнем, а нижние концы упираются в водосточные желоба[24]. Амбары служили для хранения зерна, муки и других продуктов. Поэтому строители стремились установить их так, чтобы обезопасить от грызунов. Охотники в лесу нередко укрепляли их на высоком, до 4-х метров, толстом столбе, и сами проникали в них по приставленной лестнице, изготовленной из бревна, на котором делались зарубки в виде ступенек. В деревнях на такую высоту амбары не поднимали, так как трудно до них добраться, но подпорки высотой от 0,5 метра до одного метра были обязательны. Устройство этих опор довольно разнообразно. Наиболее характерными были грибовидные опоры.

[23] Там же. С. 197-198.

[24] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. С. 69.

Опорный столбик подтёсывался конусом, напоминая собой гриб или перевёрнутую кверху дном ступу. Реже встречаются опоры, имеющие двусторонние затёсы, и совсем редко – просто круглые. Крыша амбара всегда имеет большой навес над входом. Перед дверцей организовывалась площадка (предмостье) для удобства входа в помещение. Амбары ставили напротив домов на противоположной стороне улицы или проезда, или же группировались в стороне от жилья, что связанно с пожаробезопасностью[25]. Если в первой половине XX века амбары являлись обязательной хозяйственной постройкой каждой усадьбы, то сегодня их можно встретить крайне редко.

Природные условия Коми края требовали обязательной сушки зерна перед обмолотом. Вследствие этого важную роль в хозяйстве играли хлебосушильни – овины (рыныш). Овины были верховные и ямочные. Те и другие представляли собой по существу два близких вида одного и того же типа овина с двумя камерами, в одной из которых производилась топка, а в другой – сушка снопов[26]. Ямный овин представлял собой сруб под двускатной крышей. Он состоял из нижней и верхней камер и лаза. Размер камеры примерно 3,5×3,5 м, а высота 2,4 метра. Нижняя камера была углублена в землю на 1,5–2 метра. В середине её на земле располагалась печь-каменка. Топили овин берёзовыми дровами. Они лучше горели и давали больше тепла. Дым и горячий воздух поступали из нижней камеры в верхнюю через специально оставленные в боковой стене и потолке щели, так называемые продухи. Верхняя камера была несколько больше, чем нижняя. Пол её находился на высоте примерно 60–70 см от поверхности, а на расстоянии 0,5 метра от пола были проложены колосники, то есть жерди, на которых располагали снопы для сушки. В надземной камере имелось окно, через которое производилась загрузка (насадка) овина. Верхнюю камеру строили с потолком, чтобы тёплый воздух не так быстро уходил под крышу; в стене прорубалось небольшое окошечко для выхода дыма. После топки окошко

[25] Там же. С. 70.

[26] Белицер В.Н. Указ. соч. С. 198.

плотно закрывали доской или затыкали пучком соломы. Рядом с нижней камерой устраивали прируб – лаз шириной 80-90 см и такой же глубины, как и нижняя камера. Через небольшое подрытое под срубом отверстие лаз сообщался с нижней камерой, а с поверхности через лаз в овин спускались по земляным ступенькам или маленькой лестнице[27].

Верховой овин строили по такому же принципу, но камера с печью была наземной, вследствие этого верховые овины были гораздо выше ямных. Можно предполагать, что строительство верховых овинов было обусловлено сыростью почвы в данной местности, поэтому делать подземную камеру было затруднительно[28]. Сегодня амбары и овины не востребованы, и по этой причине они не встречаются.

Отдельно от жилого помещения стоял также погреб-ледник. Он представлял собой бревенчатую постройку почти всегда под односкатной крышей. Внутри её вырывалась яма с деревянными креплениями по углам и деревянным накатом сверху. В яму закладывали лёд или снег, благодаря чему продукты (мясо, рыба и т.д.) в тёплые месяцы года всегда оставались свежими. С появлением бытовой техники в деревне погреб утратил своё первоначальное предназначение. Яму начали рыть глубже, а снег или лёд уже не закладывали. Спускались в яму с помощью лестницы. Вместо мяса и рыбы сюда клали на зиму овощи, в основном картошку, поэтому второе его название картог гу (букв. картофельная яма). В таких условиях овощи отлично сохранялись до нового урожая. Второй вариант погреба актуален и в наши дни, потому что весьма практичен и удобен.

Особое место в усадьбе занимала баня (пывсян, пылсян). Будучи сугубо утилитарным сооружением, она, обретя и ритуально-психологическую значимость, стала неотъемлемой частью жизни. Традиционная баня на Летке, как и всюду на севере, сооружалась и сооружается из дерева. Летские коми чаще всего используют для её постройки сосну (пожӧм), однако если была возможность, то либо всю баню, либо нижние её венцы рубили

[27] Там же. С. 198-199.

[28] Там же. С. 199.

из осины (пипу), что значительно увеличивало срок службы всего сооружения. Существует особенность подбора строительного материала, которая состоит в том, что сердцевина осины должна быть целой, не подгнившей, а это значительно затрудняло поиск подходящего материала[29].

Баню возводил сам хозяин с помощью родственников. По возможности её стремились установить на косогоре, чтобы был естественный сток воды. Размеры бани могут быть различными, но не слишком большими, чтобы расходовать меньше дров и лучше держать тепло. Чаще всего она имеет в плане размеры 2,5×3 или 3×4 метра, высота сруба при этом, как правило, составляет 8-9 венцов. Крышу прежде часто делали односкатной, однако в настоящее время бани преимущественно имеют двускатную высокую крышу[30].

До начала XX века бани у коми чаще всего сооружались без предбанников. С начала нынешнего столетия они стали обязательной составной частью бани[31]. Сейчас строят либо бани-четырёхстенки с предбанником из досок, либо бани-пятистенки, где большую часть занимает помещение для мытья, а меньшую – предбанник, который по традиции не имеет потолка. Раньше бани топили по-чёрному. Во внутреннем устройстве бани важнейшую роль играла печь-каменка, которая располагалась обычно напротив входа, реже – слева или справа от входа. В прошлом она состояла из крупных плоских камней в виде свода. На верхнюю часть каменки клали более мелкий камень, который накалялся от топки докрасна. На эти камни плескали воду, чтобы получить пар[32]. Камень для печки традиционно собирали возле рек или ручьёв. Во избежание угара выбирали красный камень, чёрный камень считался непригодным.

---

[29] ПМА: Рубцов М.А. 1930 г. р., с. Мутница, Прилузского района. Запись 2009 г.

[30] Ильина И.В, Шабаев Ю.П. Баня в традиционном быту коми // Вопросы этнографии народа коми / Труды ИЯЛИ. Вып. 32. Сыктывкар: КФАН СССР, 1985. С. 110.

[31] Там же. С. 110.

[32] Там же. С. 110.

Самое радикальное усовершенствование бани связано с модернизацией каменки и превращением её в печь с дымоходом. Это привело к появлению так называемых белых бань. Вариантов конструкций печей очень много: с вцементированными в них котлами для нагрева воды (камни помещаются в дымоходе и прикрываются дверцей); с камнями в верхней части плиты, которая является как бы кожухом для каменки; с отводами от дымохода для нагрева металлической ёмкости с булыжниками, прикрываемой сверху крышкой и т.д.[33]

Остальные элементы внутреннего устройства бани традиционны: лавки для мытья и полок для паренья со ступеньками, который делается несколько выше каменки. В боковой и задней стенах бани делают небольшое окошко, в чёрных банях – ещё и отверстие под потолком для выхода дыма. Банная утварь раньше была деревянной: ведра, корыта (вор), ушаты (лок), ковш был медным (кӧш), а теперь в основном – металлическая или пластиковая. Пол в бане настилали из досок, но оставляли широкие щели, чтобы вода могла свободно уходить под пол, под срубом проделывали отверстие для стока воды. Потолок в прежние времена делали из подтёсанных тонкомерных брёвен или тёса, теперь только тёсовый, и сверху на него насыпали землю или песок для теплоизоляции[34].

Прежде бани предпочитали ставить у реки, ручья в одиночку или большими группами за пределами двора[35]. Это было связано с большой пожароопасностью чёрных бань и с необходимостью иметь поблизости водный источник. Там, где пользовались колодцами, бани стали располагаться ближе к подворью. Белые бани более безопасны, поэтому их стали строить на своём дворе[36]. Раньше баню строили в расчёте на 2-3 семьи, а порою ею пользовались и большее количество родственных семей. Соседей

[33] Там же. С. 111.

[34] ПМА: Иванов С.Е. 1929 г. р., с. Мутница, Прилузского района. Запись 2009 г.

[35] Белицер В.Н. Указ. соч. С. 196.

[36] Ильина И.В, Шабаев Ю.П. Указ. соч. С. 112.

также охотно приглашали в свою баню[37]. Это явление и сегодня имеет место как хорошая традиция, хотя бани имеются уже у каждой семьи.

В суровых климатических условиях севера баня была незаменимым средством профилактики и лечения заболеваний, закаливания и укрепления организма. Она являлась местом отдыха и общения, воспринималась как удовольствие и развлечение. Велико было значение бани в ритуальной практике – с ней были связаны многие обряды, сопровождавшие ответственные моменты в жизни человека[38].

Район проживания по реке Летке является самым южным и наиболее благоприятным по своим климатическим условиям в Коми крае. Поэтому здесь довольно широко было распространено выращивание зерновых культур. Местное население в большинстве для молотьбы использовало ручные жернова, но были и водяные мельницы (мельнича). Например, в с. Мутница в первой половине XX века были известны две мельницы. Одна располагалась непосредственно в устье р. Мутницы, а другая – на р. Летке. Мельница возводилась из сруба и ставилась прямо в реке. Обязательной частью конструкции являлись деревянные столбы, на которые и устанавливался сруб. Такая практика возведения мельниц способствовала долговременному сохранению конструкции. Сам механизм приводился в работу за счёт поворота силой воды деревянных турбин, которые, в свою очередь, приводили в движение жернова (изки). В специальную ёмкость насыпали зерно, которое постепенно поступало в жернова и обмалывалось. Уже готовая мука по желобкам высыпалась в ёмкости[39].

Таким образом, хозяйственные постройки летских коми во многом схожи с хозяйственными постройками других эт-

[37] ПМА: Иванова А.М. 1928 г. р., с. Мутница, Прилузского района. Запись 2009 г.

[38] Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 1991. С. 56-59.

[39] ПМА: Плехова Н.Н. 1928 г. р., с. Мутница, Прилузского района. Запись 2009 г.

нографических групп коми (зырян). Среди хозяйственных построек можно выделить двор, амбар и овин, погреб, колодец, баню. Хозяйственные постройки имеют универсальный характер, что обусловлено как природно-климатическим фактором, так и направлениями хозяйственной деятельности. Особенностью хозяйственных построек летского этнографического микрорайона является наличие санника (улич), который среди других групп коми не встречается, и достаточно массовое распространение мельниц.

Анализ этнографического материала по домостроительству летских коми позволяет констатировать, что типологический ряд жилых построек включает несколько типов домов. Это однокамерные и многокамерные дома. Отличительной чертой летского домостроительства выступает однокамерный дом с двускатной крышей с «залобком». Этот тип дома выделяется как внешними параметрами, так и внутренней планировкой, и является наиболее типичной постройкой этого этнографического микрорайона. А вот изба-двойня, пятистенок и шестистенок-крестовик встречаются и в других районах обитания коми (зырян). Появление однокамерного дома связано с влиянием русских, проживающих на сопредельной территории. Связь дома и двора была однорядной или Г-образной, последняя выглядит специфической, характерной только для летских коми. Особенностью в типологическом ряде хозяйственных построек выступает санник (улич), являющийся примером развития открытого двора.

А.А. Колегов

СИМВОЛИКА СТРОИТЕЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЫСОЛЬСКИХ КОМИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА КУРАТОВО СЫСОЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Получить целостное представление о доме невозможно без изучения его места в картине мира, без рассмотрения «духовной» стороны дома. Жилище не только представляет собой материальный объект, но и является одним из символов культуры, поэтому важно охарактеризовать символическую составляющую дома и его структурных элементов. В традиционном мировоззрении коми дом рассматривается как элементарная структурная единица освоенного пространства, наиболее значимая и защищённая от проникновения в «мир свой» «мира чужого». Наряду с этим, дом можно рассматривать как модель Космоса – вместилища жизни человека на высшем таксономическом уровне, что обусловливает его космологическую семантику[1].

Актуальность изучения темы народного зодчества связана с повышенным вниманием к народной культуре, а знание тради-

[1] Конаков Н.Д. Строительная обрядность народов коми // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера / Труды ИЯЛИ Коми научного центра Уро РАН. Вып.60. Сыктывкар: Коми научный центр УрО Российской АН, 1996. С. 21.

ций позволяет нынешним строителям опираться на многовековой опыт предыдущих поколений.

Историографию по изучению коми народного жилища можно условно разделить на несколько этапов (периодов). Анализ этнографических работ дореволюционного времени, составляющего первый этап, был дан в монографии Л.Н. Жеребцова[2]. На втором этапе, в советское время, изучению коми жилища уделялось большое внимание, что предполагало глубокое изучение культуры и быта народа. Работу по сбору материала проделала В.Н. Белицер. Она опубликовала ряд отчетов о результатах экспедиций и написала монографию по этнографии народа коми[3]. Эта монография и по настоящее время является единственным обобщающим трудом по этнографии коми народа. Автор описывает, в частности, крестьянское жилище и хозяйственные постройки, дает их типологию, определяет типы расселения и поселения. К сожалению, символические аспекты домостроительства (строительная жертва, внутренняя и горизонтальная символика жилища и т.д.) не отражены в монографии. В 60-70-х гг. XX века вопросами домостроительства занимался Л.Н. Жеребцов, который опубликовал ряд статей, где рассматривал историю развития жилищ и хозяйственных построек народа коми[4]. Он даёт полное описание крестьянского жилища, выделяет его типы, а также кратко рассматривает символику строительства. В контексте изучения строительной обрядности интерес вызывает статья Н.М. Теребихина[5], который рассматривает символические аспекты домостроительства, особо обращает внимание на сакрализацию образа плотника в традиционных представлениях.

[2] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971. С. 5-7.

[3] Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми. М.: Издательство АН СССР, 1958.

[4] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище…

[5] Теребихин Н.М. Традиционные представления народов коми, связанные с плотницким ремеслом (XIX–нач.XX вв.) // Вопросы этнографии народа коми/ Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 32. Сыктывкар, 1985. С. 159-167.

Современные авторы рассматривают отдельные вопросы домостроительства. Так, Н.Д. Конаков[6] обратил внимание на символические аспекты возведения дома. М.Б. Рогачёв обобщил ранее опубликованные материалы по жилищу[7]. Внутренняя планировка жилища рассмотрена в работе И.Н. Шургина[8]. Дом как Космос рассматривается В.А. Семеновым[9].

Теоретические разработки по типологии русских домов и семантике славянского жилища даны в монографиях И.В. Маковецкого и А.К. Байбурина В своей монографии И.В. Маковецкий характеризует типы жилых домов, при этом особое внимание уделяется конструктивным и архитектурно-декоративным особенностям жилых построек[10]. А.К.Байбурин рассматривает жилище как один из символов культуры, объект материальной и духовной культуры[11].

Источниками данной работы являются полевые материалы, собранные автором в с. Куратово и близлежащих деревнях Сысольского района (Уткавидз, Заречное, Выльгрезд). Информацией по традиционному домостроительству владеют как мужчины, так и женщины среднего и пожилого возраста. Информированность женщин в сугубо мужских делах объясняется тем, что в по-

---

[6] Конаков Н.Д. Строительная обрядность народов коми // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера / Труды ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН. Вып.60. Сыктывкар, 1996. С. 21-30.

[7] Рогачёв М.Б. Поселение и жилище // Традиционная культура народа коми : этнографические очерки. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994. С. 80-90.

[8] Шургин И.Н. Деревянное зодчество коми // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993. С. 27-38.

[9] Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1991. С. 67-83.

[10] Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М.: Издательство АН СССР, 1962.

[11] Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

слевоенные годы многие женщины занимались строительством дома самостоятельно. Кроме того, сбор информации осуществлялся методом погружения в культуру, т.е. методом наблюдения самого процесса возведения дома. Использовались также полевые этнографические материалы, собранные в ходе экспедиции СыктГУ в 2004 г. и хранящиеся в научном архиве МАЭ СыктГУ[12]. Архивные материалы представлены серией фотографий домов и хозяйственных построек.

Отдельные вопросы домостроительства на примере сысольских коми апробированы автором данной работы на конференциях и опубликованы в виде тезисов[13].

Возведение избы – это длительный и сложный процесс. Для того чтобы жизнь в доме была спокойной и счастливой, необходимо соблюдать определенные правила, связанные со строительством дома. Процесс строительства жилища у коми (зырян) был строго регламентирован и сопровождался целой серией обрядовых действий и процедур, призванных обеспечить нормальную жизнь семьи в новом доме. Цикл строительных ритуалов распадался на три больших обрядовых комплекса, последовательность которых отражала процесс реального развертывания основных технологических операций по возведению нового дома.

К первому комплексу обрядов относятся ритуалы, которые условно можно назвать ритуалами «нулевого цикла». Основная функция этих обрядов заключалась в определении наиболее благоприятных условий для строительства нового дома. В группу обрядов «нулевого цикла» входят ритуальные действия, связанные с выбором материала, места и времени строительства. Указанные процедуры выбора определялись как практическими соображе-

[12] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 3. Д. 126-130, 136.

[13] Колегов А.А. Традиции возведения печи сысольскими коми // Геолого-археологические исследования в Тимано–Североуральском регионе. Доклады 7-й студенческой научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2004. Т. VII. С. 85-87; Колегов А.А. Типы жилищ в Сысольском районе // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 8-й студенческой научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2005. Т. VIII. С. 141-142.

ниями, так и причинами сакрального характера, что нашло отражение в существовавших символических классификациях деревьев, времени и пространства.

Ко второму комплексу относятся обряды, которые сопровождали важнейшие моменты строительства нового дома. Специальные обрядовые церемонии отмечали сооружение трех основных элементов вертикальной конструкции дома: закладку сруба («строительная жертва»), укладку матицы и установку князевого бревна.

Третий комплекс обрядовых действий был связан с переходом в новое жилище. В символической организации пространства новый дом наделялся отрицательной, «нечистой» семантикой. С переходом в новое жилище были связаны устойчивые представления о фатальной неизбежности смерти первого из поселившихся в новом доме. Поэтому процесс переселения развертывался в целое драматическое действие со своим разработанным сценарием. В обрядах перехода активную роль играли ритуальные двойники – заместители человека, которые своей смертью должны были «очистить» новый дом[14].

Даже краткое перечисление основных обрядовых действий показывает, что процесс сооружения нового дома был до предела насыщен разнообразными ритуальными процедурами и был строго регламентирован. Детальная разработанность ритуалов, их тотальный характер свидетельствует о том, что процесс строительства дома был сакрализован.

Строгая регламентация действий по возведению дома начиналась с самого первого этапа, куда входят заготовка леса, выбор места для застройки и определение времени, благоприятного для начала строительства.

Окружающее человека пространство характеризуется не только топографической, но и семантической дискретностью. Различным частям пространства, как правило, приписывают раз-

[14] Теребихин Н.М. Традиционные представления народов коми, связанные с плотницким ремеслом (XIX – начале XX вв.) // Вопросы этнографии народа коми / Труды ИЯЛИ Коми науч. центра УрО РАН. Вып.32. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 159-160.

личные значения, что в самом общем виде можно обозначить как два полюса – положительный и отрицательный. Поэтому выбор места для строительства нового жилища был непременно связан с процедурами, направленными на проверку или выявление «истинной» информации о значении той части пространства, на которой предполагалось построить новый дом[15].

Полагали, что не каждое место было пригодным для застройки дома. Естественно, в первую очередь, для строительства дома отбирались те места, которые наделялись положительными качествами, пригодными для жизни, исходя из практических соображений. Однако то единственное место, на котором будет построен дом, должно обладать ещё и наивысшей ритуальной, символической ценностью.

К выбору места для строительства дома приступали после того, когда лес был заготовлен и готов сруб. Выбором места для дома занимались «знающие» люди, то есть колдуны. Вот что об этом говорят сельские жители: «Важӧн ветлылӧмны тӧдысь йӧз – странникъяс, – кодъяс ставсӧ тӧдлӧмны, кытчӧ колӧ пуктыны керка, кысь колӧ босьтны керка вылӧ вӧр». (Издавна ходили «знающие» люди – странники, которые много знали и говорили, куда следует ставить дом, откуда следует брать лес для дома)[16].

Благоприятным считалось освоенное место, где уже когда-то был дом, так как в этом случае подразумевалась помощь предков. Однако строго на прежнем месте строить дом не разрешалось, а следовало расположить его чуть дальше, на ширину нижнего бревна в направлении юга[17]. Если выбиралось новое место, то кто-то должен был остаться жить в старом доме.

С практической точки зрения для постройки дома выбирали сухое возвышенное место. Ни в коем случае нельзя было строить дом в ложбине, так как эта местность наделялась нега-

[15] Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. С. 34-35.

[16] ПМА: Пунегов В.А. 68 лет, с. Куратово, Сысольский район. Запись 2005 г.

[17] ПМА: Куратова М.И. 70 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

тивными качествами. По мнению сысольских коми, там обитала нечисть (бубу). Дом должен был располагаться вблизи от дороги, недалеко должен находиться колодец или место, пригодное для него[18]. Благоприятным считалось место, где ложится на отдых рогатый скот.

Непригодным для новой застройки признавалось пепелище от сгоревшего дома. Жилище не полагалось строить и там, где раньше проходила дорога или стояла баня. Это объясняется связью дороги с комплексом отрицательных значений, в частности с представлением о нечистой силе, смерти. Удалённость от жилища, близость границы с «неосвоенным» пространством является одной из причин маркированности бани в сфере отрицательных значений. Жилище не строили на спорном участке земли. Негативом наделялись места, где были найдены человеческие кости или где кто-нибудь поранил топором, ножом, косой или серпом руку или ногу до крови[19]. Отрицательные характеристики приписывались локусам, где раньше стоял дом, который был оставлен прежними жильцами по причине смерти или болезни.

Непригодным считалось место, где из-под земли бьёт ключ, так как сила воды, по мнению коми (зырян), будет мешать жизни людей, их жизнедеятельности[20]. Обращали внимание и на наличие таких деревьев, как ель или осина. «Козъя-пипуаинын мусяньыс петӧ лёк вын» (Место произрастания ели и осины – плохое место)[21]. Как благоприятное для дома рассматривалось и пространство полей, где раньше сеяли рожь.

Выбор места для строительства дома осуществлялся с помощью гаданий. Наиболее популярным было гадание с помощью насекомых. Так, например, место, где до восхода солнца роится

[18] ПМА: Кинев Е.И. 48 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2004 г.

[19] Он же.

[20] ПМА: Шадрина П.Н. 86 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2004 г.

[21] ПМА: Костромина А.В. 58 лет, с. Куратово, Сьӧрдвыв грезд. Сысольский район. Запись 2005 г.

мошкара, считалось пригодным для постройки дома[22]. Предполагалось, что этот дом будет наполнен счастьем. Ещё один способ заключался в том, что хозяин на предполагаемом месте дома строит из небольших деревьев что-то наподобие первого венца сруба. Утром, до восхода солнца, он должен прийти на это место и смотреть наличие паутины. Если таковая имеется, то место выбрано удачно, и наоборот[23], и это не случайно, так как в народной культуре пауки рассматривались как посредники между мирами.

На основе изложенных фактов можно говорить, что выбор места для будущего дома занимал важное место в структуре возведения дома. Конкретная стратегия выбора места имеет трёхступенчатый характер. Сначала отбираются те места, которые могут оказаться пригодными из практических соображений. Второй этап связан с общим делением пространства на счастливое и несчастливое. На третьем этапе счастливые или нейтральные места подвергаются дальнейшей проверке применительно к ситуации строительства.

Итак, для хозяев будущего дома важным был вопрос, является ли место для него счастливым. В ситуации его выбора выражается идея неотторжимости судьбы нового дома от судьбы коллектива, прогнозируется не столько будущее дома, сколько будущее семьи, связанное в конечном итоге с представлениями о доле, счастье, богатстве, жизни или их противоположностях. Таким образом, к выбору места для строительства дома подходили с особой тщательностью. Этот ритуал был важен для человека, так как правильный выбор места гарантировал ему и его семье спокойную и благополучную жизнь. Дом при этом выполнял защитную функцию.

Существенным условием успешного строительства жилища считался правильный выбор времени начала строительства. В настоящее время не фиксируется четких правил определения времени строительства дома. Единственное, что отмечают ин-

[22] ПМА: Горинова М.В. 50 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2005г.

[23] Она же.

форманты, это то, что его выбор обусловлен наличием свободного от сельскохозяйственных работ времени.

После выбора места и времени для строительства дома приступали к выбору материала для дома. Естественно, что в лесном краю основным строительным материалом было дерево. Этот материал красив и податлив в обработке. Для выполнения строительных и столярных работ требуются различные материалы. Это лесоматериал – круглый лес, пиломатериалы, заготовки, деревянные детали и изделия для строительства. Коми дома имеют минимум металлических деталей. Считалось, что не каждое дерево было пригодно для изготовления брёвен для сруба. Бревно из неправильно выбранного дерева могло принести дому несчастье. Поэтому для выбора деревьев на брёвна или же для осмотра уже подготовленных брёвен желающие построить дом приглашали «знающих» людей. Это обычно были мужчины пожилого возраста. Хозяин заранее просматривал подходящие деревья, отмечая их топором, ставя пасы-знаки.

Для того чтобы изделия из дерева служили долго, требовалась тщательная выборка хлыстов. Дерево, предназначенное для постройки дома, обязательно должно было быть «живым» (лов пу – буквально «дерево с душой»). Непригодными для строительства считались деревья, у которых слои завились против солнца. Никогда не брали для постройки деревья, у которых на коре имелась выпуклость, окружающая ствол в виде обруча. Наличие на дереве чаги говорило о том, что данное дерево гнилое. О непригодности дерева можно было судить по характерному звуку. Сначала топором убирается кора дерева, а потом производится удар обухом топора по дереву. Если звук звонкий, то данное дерево признавалось пригодным для постройки дома, и его называли «конӧд», то есть кондовый лес. Если же звук был глухой («манӧд»[24]), то это означало, что дерево не пригодно для строительства[25]. Условием годности дерева являлся достаточный

[24] Букв.: «болотный».

[25] ПМА: Кинев Е.И. 48 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2004 г.

возраст и размер (для сосны 100-120 лет, диаметр 25-30 см). Выбирали не слишком сучковатые деревья, так как такие деревья трудно очистить от коры, и они неровные. Для постройки дома не годились деревья, сучья которых росли вверх вдоль ствола, а на стволе возле сучка имелась ложбинка. Деревья с двумя вилкообразными вершинами не пригодны для строительства дома, так как существовало поверье, что у них «два сердца». Если возьмёшь такое дерево, то может случиться беда. Деревья, имеющие в одной части сухой верхний слой также не пригодны, так как считали, что в доме жильцы будут сохнуть (болеть). Деревья, у которых рос от ствола под острым углом толстый сук, никогда не брали для строительства избы. Отбирали смолистые деревья, но слой смолы не должен быть толстым. Непригодными считались скрипучие деревья, так как полагали, что жизнь в доме будет такая же[26].

В качестве строительного материала для жилых построек чаще всего использовали сосну (пожöм), менее – ель (коз). Сосну использовали из-за большого содержания смолы и ровной структуры хлыста. Эта порода дерева имела два вида: рудовую и мяндовую. Рудовая сосна произрастала на высоких песчаных местах, имела мелкослойную древесину и обладала большой плотностью. Мяндовая сосна росла в сырых низинах, на глинистой почве, поэтому обладала широкослойной древесиной. Ель обладала меньшим содержанием смолы, свилеватой структурой дерева, а также большим содержанием сучков, что затрудняло её обработку. У сысольских коми считалось, что у дома, возведенного из брёвен со свилеватой структурой, углы промерзают[27].

Ель использовали в основном для постройки хозяйственных помещений, а жилые дома строили из ели только в тех случаях, когда не было другого строительного материала. Интересен тот факт, что при строительстве дома из смешанных видов древесины, т.е. из ели и сосны, нижние венцы рубились из ели, а верх-

[26] ПМА: Кинев Е.И. 48 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2004 г.

[27] Он же.

ние – из сосны. Это было связано с представлением о структуре мира. По мифологическим представлениям, предков хоронили под елью, т.е. ель соотносится с миром мертвых.

Большое внимание уделялось времени заготовки леса. Чтобы бревно хорошо высохло и впоследствии не гнило, было принято приурочивать рубку леса к фазе убывающей луны, или как говорили раньше, «на старую луну». У сысольских коми считалось, что луна способна регулировать приливы и отливы сока в растениях и деревьях: если «старая луна», то идёт отток сока из дерева, и, соответственно, оно в это время перестаёт расти; если же растущая или молодая луна, то в дерево идёт прилив сока, и оно растёт[28]; считалось, что тогда бревна не потрескаются.

К рубке леса приступали осенью или в марте–апреле. Выбор первого месяца календарной весны для начала строительства дома был связан с идеей общего пробуждения/возрождения природы, с началом активного солнечного периода. Кроме того, в марте (со дня весеннего равноденствия) у древних коми начинался новый год. Оба эти события в народном мировоззрении сопоставлялись с актом космогенеза. Осень как время рубки леса связана с тем, что камбий у дерева был тонким и, соответственно, его легче ошкуривать.

Современного понимания делянки у коми (зырян) не было. Рубка осуществлялась близ деревень и починков, так как достаточно мощной техники для транспортировки леса кроме лошадей не было. Для рубки выбирали лес в разных местах. Это было связано с тем, что в одном месте хороший лес и в большом количестве вырасти не может из-за существования в природе естественного отбора, а также с представлением о том, что «лес держит воду»: если рубить лес в одном месте и в большом количестве, то вода исчезает в колодцах, реки мелеют и рыбы становится меньше. Обычно в одном месте вырубали до пяти деревьев и шли

[28] Пунегов А.В. Заготовка строительного материала (на примере сысольских коми) // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 9-й студенческой научной конференции. Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2006. Т. IX. С. 13.

дальше[29]. Для рубки леса прибегали к помощи родственников или односельчан, устраивая так называемую помочь – «отсöг». Рубку леса иногда производили далеко от дома, так как там лес был нетронутым и была возможность выбрать деревья.

Условия обработки поваленных деревьев имели свои особенности. Если рубку леса производили в марте–апреле, то после того, как дерево было свалено лучковой пилой, его оставляли в лесу до посевной, при этом у дерева не убирали сучки. Это было также связано с сушкой древесины: сучья вбирали в себя оставшуюся влагу[30].

Весной, после посевной, когда появлялись первые побеги травы, приступали к «окориванию» заготовленного леса. В это время кора лучше отходит от древесины. Для снятия толстой коры использовали топор (чер). После этого оставался камбий, который снимали скобелем (гогын), который обычно изготовляли из лезвия старой косы. Тщательное снятие коры требовалось для того, чтобы бревно быстрее высохло и в нём не завелись короеды. Всё лето брёвна сохли. Затем поздней осенью, до глубокого снега, брёвна свозили к намеченному месту постройки дома на лошадях и не трогали до следующей весны. Тогда и приступали к рубке сруба.

Сруб делали сравнительно высоким – в 19–20 венцов. Для рубки сруба тоже устраивали помочи, приглашая односельчан или родственников, обычно мужчин. Углы сруба рубились «в чашу», с «выпуском», т.е. бревна выдвигались от угла на 20–30 см. Это связано с тем, что в этом случае углы не промерзали в суровых климатических условиях. Хотя это и приводило к расходу большего количества леса, тем не менее, это было целесообразным в северных условиях проживания. Для возведения дома необходимо около 100 кондовых бревен. Сруб рубили по 4-5 венцов, которые год-два оставляли для просушки. Уже тогда отмечали, каким по счету будет определенное бревно. Для этого делали за-

[29] Там же. С. 132.

[30] ПМА: Кинев Е.И. 48 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2004 г.

рубки с помощью топора или на самом бревне, или на конце бревна. Какое по счету бревно, столько и зарубок[31].

В качестве теплоизоляционного материала использовали мох (нитш). Для его заготовки также существовали определенные правила. Как и лес, его заготавливали на третью, четвёртую фазу луны. Обычно шли за мхом после сенокоса. Мох произрастал на болотистых местах или на старых делянках. Длина мха колебалась в пределах 25–30 см. Для строительства дома использовали мох коричневого цвета, кукушкин лен. Олений мох (яла нитш) не использовался в качестве утеплителя, так как он сильно крошится. В лесу находили молодую поросль (осина или ива). Выбор этих деревьев был не случаен, так как они отличаются особой гибкостью. Ветки деревьев срубали, но оставляли корни. На это деревце насаживали мох. В результате получался так называемый ош (букв.: медведь)[32]. Осину и иву использовали в тех случаях, когда мох переносили вручную. Если же мох перевозили на волокушах, то тогда использовали молодую ель. Полагали, что количество так называемых ошков должно соответствовать количеству венцов сруба дома. Мох ценили, прежде всего, за высокую гигроскопичность, что предохраняло венцы от гниения.

Когда сруб был подготовлен, устраивались помочи для подъёма сруба. Приходили мужчины и женщины. Мужчины поднимали брёвна и укладывали сруб. Для поднятия бревен устраивали скаты. На сруб клали два бревна, по которым с помощью двух веревок поднимали бревна на нужную высоту. Женщины обычно подносили мох и укладывали его в пазы. Здесь четко наблюдается гендерный подход к видам деятельности: полагали, что женщины должны заниматься легкой работой, а мужчины – тяжелой.

Дом ставили без фундамента. Нижний венец клали прямо на землю либо сруб ставили на «стулья» (сосновые чурки), вкопанные на глубину 2 метра, или камни, подкладываемые под углы

[31] ПМА: Куратова Л.А. 68 лет, с. Куратово, д.Уткавидз, Сысольский район. Запись 2005 г.

[32] ПМА: Попов С.С. 65 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

здания. Иногда под дом готовили земляное основание. Для этого на землю ставили первый венец несколько большей величины, чем будущий сруб, и засыпали его плотно землёй, затем на это основание уже ставили сруб. У большинства домов устраивали небольшие завалинки (мудöд). Земля на завалинках удерживалась положенными вокруг них брёвнами, засыпанными сверху землёй. Завалинки способствовали сохранению в избе тепла.

Непосредственное возведение дома начиналось с установки оклада. Оклад представлял собой три первых венца сруба. Нужно было обязательно их установить сразу, что связано с символическим значением. В традиционной числовой кодировке нечет связан с миром мертвых и, соответственно, укладка оклада означала связь с нижней сферой космоса. Но в любом случае особенно важным событием считалась установка оклада.

Для нижнего венца отбирались самые большие, кондовые, брёвна из сосны. Для укладки шестого венца использовали так называемые шоныд (теплые) брёвна, которые определялись по наличию муравейника с южной стороны дерева[33]. На шестом венце клали пол. Пол стелили поперек так называемых переводин. Если раньше укладка пола осуществлялась на нечётном венце, то к середине XX века символика чисел утрачивает своё значение, и, соответственно, пол устанавливали уже на четном числе венца. Пол тоже должен был быть из кондовых брёвен, из которых вручную продольной пилой выпиливали вдоль две плахи. Специально для распиловки бревен делали станы. Они представляли собой скрепленные друг с другом бревна, на которые затем накладывали поперек ещё бревна и пилили их продольной пилой. Эта пила была длиной до трёх метров. Чтобы пилу во время распиловки не прижимало, в бревно вбивали доску[34]. В плахах с двух боковых сторон проделывали несколько отверстий, в которые затем вставляли специальные деревянные «гвозди», которые назывались

[33] ПМА: Кинев Е.И. 48 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2004 г.

[34] ПМА: Куратова М.И. 70 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

«тшып», «штыр» или «пу тув»[35]. Они были размером 20-25 мм в диаметре, длиной около 20 см. Такие «гвозди» использовали для уплотнения половых досок.

В углы третьего венца подкладывали деньги (медную мелочь под красный угол), овечью шерсть, зерно. Это так называемая строительная жертва. Шерсть имеет как практическое (её кладут для сохранения тепла), так и ритуальное значение. Его содержание включает такие значения шерсти, как «плодородие», «богатство». Зерно (наиболее часто используется пшеница – шобді) имеет устойчивую семантику «плодородия» и «богатства». Деньги (медная мелочь) дублируют семантику шерсти и зерна. На этом первый этап строительной обрядности, связанный с обеспечением благополучия возводимого дома «снизу», заканчивался.

Следующий этап, целью которого было обеспечение благополучия дома «сверху», начинался с торжественного подъёма матицы (бревно, служащее основанием для потолка). «Это – толстый, отёсанный с четырёх сторон брус, который обычно не выпускают концами за плоскость стен, а врубают в полдерева»[36]. Непригодной для матицы считалась ель, так как высохшая ель трескается. Для матицы также использовали кондовое бревно. При установке на матицу с помощью холста привязывали чайник с вином и рыбник. Это было угощением для строителей дома. В тот же день работа по возведению дома продолжалась[37].

Уже в обжитом доме примечали: если матица скрипит, то это сулило хозяйке дома короткую жизнь[38]. При строительстве

[35] ПМА: Попов С.С. 65 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

[36] Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 78.

[37] ПМА: Попов С.С. 65 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

[38] ПМА: Шадрина П.Н. 86 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2004 г.

дома особое внимание обращали на то, чтобы матица и половые плахи не располагались параллельно друг другу. Если это не выполнялось, то, как полагали сысольские коми, значит, хозяина дома ждет смерть. Укладка матицы при строительстве жилища отмечается, с одной стороны, как конец строительства собственно сруба (возведения стен), а с другой – как начало завершающего этапа, связанного с укладкой перекрытий. Поэтому обряды, связанные с матицей, имеют смысл, прежде всего, на уровне пространственно-временных отношений.

На матицу укладывали потолок, который настилался из круглых брёвен, которые только очищали от коры и не стёсывали. Позднее потолок стали делать из распиленных пополам и затёсанных брёвен или из досок с земляной засыпкой сверху. После настила потолка поднимали последние венцы дома.

Затем приступали к возведению крыши. Брёвна для крыши рубили в новолуние, так как в это время у деревьев тонкий слой камбия. Обычно для покрытия крыши использовали ель. Заготовкой брёвен для крыши занимались в свободное время.

Традиция укрепления крыши на слегах достаточно древняя. В качестве покрытия крыши использовали тес, значительно реже дранку. Покрывали крыши обычно в два слоя. Тесины первого ряда накладывали на расстоянии 9–12 см одну от другой, а образовавшиеся щели закрывали тесинами второго ряда. Их не «дорожили». Дорожить стали только тогда, когда крышу начали покрывать досками. Делали обычно две дорожки (ворги) специально изготовленным для этого приспособлением – дорожкой (струг). Она представляла собой инструмент в виде рубанка, но только с четырьмя ручками по бокам. Ею двигали вверх-вниз, образуя тем самым небольшие углубления, которые служили для стока воды и предохраняли крышу от быстрого гниения[39]. Тесины укладывались на тонкие бревна – слеги (ыв кер) – и сверху придавливались жердями. Своими краями они упирались в водосточный желоб, укреплённый на особых крюках-курицах (кок).

[39] ПМА: Момотов А.С. 58 лет, с. Куратово, д. Заречное. Сысольский район. Запись 2004 г.

Этот желоб изготавливали обязательно из пихты[40]. Он служил для отвода воды.

Курицы являлись конструктивным и декоративным элементом крыши. Они представляли собой крюки, вырубленные обычно из ели с корнем, и служили для удержания теса на скате. Скаты крыши выступали по бокам сруба на 30–40 см. Сверху тесины закреплялись на бревне, которое называется «князь» (князевое). Завершение формирования вертикальной структуры жилища – установка князевого бревна – безусловно, связывается с идеей достижения верхнего предела (неба) и, таким образом, с достижением основной цели ритуала: установлением прочной связи между землей и небом, приданием миру первоначального состояния гармонии, которая была нарушена строительством нового дома. Если крыша двускатная, то «на щель, образуемую сходящимися наверху тесинами обоих скатов, насаживалось сверху толстое бревно с угловатым желобом снизу – это охлупень (сигёр). Своей тяжестью он зажимал тесины кровли и удерживал их от сноса ветром. Переднюю, комлевую часть охлупня, прикрывающую с фасада стык тесин и торец князевой слеги, часто обтесывали в виде коня или птицы»[41], поэтому резной конец охлупня принято называть «коньком».

Для сысольских коми были характерны крыши с плоскими скатами, возведёнными на самцах. Для предохранения такой крыши от ветра на неё накидывали поперечные слеги, которые скрепляли на концах с самцовыми бревнами ивовыми кольцами. Иногда крыши на самцах укрепляли посредством деревянного замка, то есть брёвна крыши с зарубками пропускали в вырубленный внутри метровый чурбан[42]. Двускатные крыши на стропилах стали строить лишь относительно недавно.

---

[40] ПМА: Попов С.С. 65 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

[41] Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. С. 89.

[42] ПМА: Куратова М.И. 70 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

После настила потолка, подъёма последних венцов, установки самцов, слег и «князя» постройка дома считалась в основном законченной.

Дом не заселяется ещё в течение одного-двух лет – он должен осесть. Затем все остальные работы по доделке дома его хозяин выполнял сам. Внутри дома бревна сруба стёсывали на высоту более двух метров от пола с помощью специального топора с кривой ручкой (чукля воропа чер). Штукатурили и белили стены внутри избы редко. С внешней стороны бревна сруба никогда не стёсывали, а только очищали от коры. Обшивали досками и окрашивали дома чрезвычайно редко. На восьмом венце устанавливали окна. Расстояние от пола до подоконника должно было быть около 70 см. Ещё при возведении дома на восьмом венце распиливали бревно по ширине будущего окна. Подоконник, косяки окон готовили заранее. Их обтёсывали и сушили под навесом, чтобы в них не попали лучи солнца, так как они (лучи) коробили материал. До установки подоконника на бревно клали бересту, которая предохраняла бревно от гниения. Подоконник (ёшинь пёдушка) делали из кондовой сосны, так же как и косяки окон. Для изготовления оконных рам использовались чистые сосновые бруски, то есть без сучков, без косослоя и отлупа. Такие правила были определены тем, что оконные рамы сильно подвержены атмосферному влиянию, а также тем, чтобы уменьшить теплопроводность окон. На производство дверей и косяков шла чистая сосна, так как стремились улучшить звукоизоляцию. Если её не могли найти, то использовали обожженную сосну (её жгли прямо на делянке неокорённой)[43]. Это также увеличивало сопротивление древесины гниению.

Затем в косяках делали засечку. В бревнах же по всей их длине делали выступ (нёнь туй), который был одинаков с засечкой[44]. Потом происходило соединение выступа с засечкой,

[43] ПМА: Куратова М.И. 70 лет. с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

[44] ПМА: Попов С.С. 65 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

но предварительно выступ обкладывали куделью. Он защищал от ветра и препятствовал проникновению холода. На верхнем косяке оставалось отверстие, которое закрывали доской. Оконные проёмы окаймляли наличниками в виде простых тесовых планок, которые чаще красили в белый цвет, но иногда оставляли и неокрашенными. Эти планки предохраняют от дождевой воды и отчасти служат украшением.

По фасаду изб чаще всего бывало 3-6 окон, а в боковой стене – 2-3 окна. Они были размером 60 на 70 или 70 на 80 см. Створчатые окна стали делать значительно позднее. Окна в большинстве случаев не имели никаких запоров. Ставни встречаются очень редко. Ориентировали окна обычно на юг или восток. Это объяснялось как пратическими соображениями (поступало больше тепла и солнца), так и семантикой окон. Затейливая резьба, накладные украшения, а также покраска окон не были характерны. Иногда встречаются украшения наличников в виде лепестка и кружка (цветка).

Порог вытесывали прямо из бревна сруба. Одностворчатая дверь, которая обычно отворялась в сени, устанавливалась так же, как и окна.

Во время «старой луны» на бревна потолка с помощью ведер поднимали землю, которая способствовала сохранению тепла.

После этого можно было переходить в новый дом. Переход происходил в светлое время суток. В новый дом первыми пускали кошку или петуха, которые выступали в роли ритуального двойника человека, его дублёра. Если учесть, что необжитый дом представлялся нечистым, то выбор кошки, а особенно петуха с этой точки зрения не случаен, так как в системе народных представлений им приписывалась очистительная функция. «Медводз лэдзöны касьöс, сiйö пö медъёна артмö суседкокöд». Важ керкасьыс öд суседкосö выляс вайöны. Петiгас шулöмны: «Суседко-батюшко, миянкöд выльлаö, бур олöм мед ставнымлы»[45] (сперва пускают кошку, так как она лучше всех дружит с суседком. Из старого дома

[45] ПМА: Некрасова А.П. 68 лет, с. Куратово, Уткавидз грезд, Сысольский район. Запись 2004 г.

ведь суседка в новый дом вводят. При переходе говорили: «Суседко-батюшка, с нами на новое место, хорошей жизни нам в нём»). При входе в дом обязательно кидали зерно, чтоб жизнь в новом доме была богатой. Когда семья уже полностью перешла в новый дом, т.е. со всей одеждой, скотиной, то на утро следующего дня выпекали хлеб. «Шыльыд нянь кӧ артмыліс – ставыс бур лоліс, а путі-патікодь кӧ, уна и олӧмад быдсяматорйыс оллас»[46]. (Если круглый хлеб получится, то всё будет хорошо, а если же так себе, то всякое в жизни будет). Нельзя было переходить в новый дом между церковными праздниками[47].

В традиционном обществе жилище – один из ключевых символов культуры. С понятием «дом» в той или иной мере у человека соотнесены все важнейшие категории картины мира. Жилище имело особое, структурообразующее значение для выработки традционных схем пространства. Значимые элементы дома (то есть такие элементы, которые обеспечивают статус дома, «делают жилище жилищем») обладают функцией границы. Границы дома призваны защитить его обитателей, изолировать от внешнего мира. Именно поэтому их семантика складывается с учётом возможности их разрушения, вторжения стихии, неподвластной человеку. Границы внутри дома служат несколько иным целям. Они объективируют социальную структуру семьи, являются выражением особенностей религиозной, ритуальной, хозяйственно-экономической и других видов деятельности. Соответственно несоблюдение этих границ, точнее игнорирование придаваемого им содержания, может расцениваться как нарушение правил поведения, что может также привести к нежелательным последствиям. Таким образом, можно говорить о двух комплексах границ в жилище любого типа, различающихся не только характером сегментируемого пространства, но и характером связанных с ним представлений[48].

---

[46] ПМА: Попова Е.М. 67 лет, с. Куратово, Уткавидз грезд, Сысольский район. Запись 2005 г.

[47] ПМА: Куратова М.И. 70 лет, с. Куратово, д. Заречное, Сысольский район. Запись 2005 г.

[48] Байбурин А.К. Жилище в обрядах … С. 140.

К первому типу относятся границы, определяющие внешний статус дома, благодаря которым оказывается возможным существование противопоставления дом – окружающий мир. К их числу относятся, в первую очередь, стены и крыша, а также окна и двери. Второй тип образует границы, определяющие внутренний статус жилища, то есть границы, упорядочивающие жилое пространство: матица, пол, потолок.

Семиотическое значение двери и окон очень велико. Дверь связана с пространственно-временным противопоставлением начало – конец пребывания в жилище, под которым в этом случае понимается особый мир с определенной системой правил, предписаний, со своей системой ценностей. Окна, как и двери, соотносятся с идеей входа, проницаемости, связи дома с внешним миром, но эта связь имеет специфический характер. Окна связывают дом не просто с остальным миром, а с миром космических явлений и процессов, таких, как солнце (луна), стороны света, чередование света и тьмы, дня и ночи и т.п. Другими словами, символика окна определяется не только противопоставлением внешнего – внутреннему, но и оппозицией видимый/невидимый, причем особая роль отводится солнцу, свету и тьме как активным явлениям, которым окна обязаны своим существованием. Также через окно осуществляется символическая связь с миром мертвых. Поэтому эти «пограничные пункты» (окна) являлись особенно опасными, поскольку именно через них в дом могли проникнуть «нечистые силы». Отсюда – особое внимание обеспечению охранной функции проходов во внешний мир (окрашивание дверей, использование можжевельника перед Пасхой накануне «страшного» четверга).

Матица имеет значение не только в ритуальной, но и в повседневной жизни семьи. С семиотической точки зрения матица обозначала, прежде всего, границу. При этом благодаря её особому конструктивному положению матица была сразу двойной границей: между верхом и низом, а также между внутренним и внешним пространством. Всё это придавало матице роль основного классификатора внутреннего пространства дома. Столь вы-

сокий конструктивный и семиотический статус матицы обусловил её семантику. Матица могла метонимически обозначать всё строение. Матице придавалось значение связующего начала не только по отношению к конструкции дома, но и по отношению к проживающим в этом доме членам семьи. Гость (то есть чужой), войдя в избу, садится на лавку у входа и не должен заходить за матицу без приглашения хозяев[49]. Матица является топографическим центром избы и в этом своём качестве связана со многими обрядами (например, со сватовством).

Такое же пограничное значение имеют две балки (грядка – сёр), укрепленные между печью и противоположной стеной и служащие для хранения домашней утвари. Они отделяют от остальной избы пространство перед печью, являющееся женской частью. Заходить туда мужчинам было нежелательно.

Кратко резюмируя написанное о внутренних границах, можно отметить, что горизонтальная плоскость жилого пространства жилища была весьма разработанной. Символические границы делили пространство на внутреннее и внешнее, женское и мужское, сакральное и профаническое. Вертикальная плоскость жилища трёхчастна. Две границы – пол и потолок – делят её на три зоны: чердак, жилое пространство и подполье. Каждой зоне придается определенное содержание.

Верхняя граница дома – крыша – осмыслялась не только как граница между верхом (небом) и низом (миром людей), но и между внешним и внутренним применительно к вертикальной плоскости. Связь крыши с космическим верхом подчеркивалась солярной семантикой орнамента различного рода наверший, изображающих птиц.

Внутренними границами вертикального плана дома являются пол и потолок. Пол – нижняя граница жилого пространства и отделяет его от подполья, а потолок – верхняя граница и отделяет его от чердака, что делает вертикальную структуру жилища трёхчастной. В пространственном отношении чердак сопостав-

[49] ПМА: Куратова Л.А. 68 лет, с. Куратово, д.Уткавидз, Сысольский район. Запись 2005 г.

ляется с нежилой зоной, которая контролируется не столько человеком, сколько нечистой силой. Подполье, как и чердак связывается с культом предков. Подполье непосредственно соотносится с внешним миром, со стихиями. Верткальная плоскость жилища была строго структурирована и наделена своим содержанием. Отдельные элементы дома вписывают жилое пространство в глобальную систему миропорядка.

Таким образом, постройка дома как значительное событие не только в жизни отдельного человека, но и социума в целом представляет собой сложный процесс, требующий неукоснительного соблюдения всех правил и предписаний, так как их назначение – обеспечение благополучной и спокойной жизни человека, семьи. И эти правила имеют как практическое, так и символическое значение.

А.В. Бутырева

СИМВОЛИКА СТРОИТЕЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ВАШКИНСКИХ КОМИ

Вашкинский этнографический куст представлен селами и деревнями, расположенными по обоим берегам р. Вашки (приток р. Мезени) в среднем ее течении. Ранее они составляли Важгортскую волость Яренского уезда Вологодской губернии, граничащей с Архангельской. В современном административно-территориальном делении эта территория включена в состав Удорского района Республики Коми, занимает ее северо-западную часть и поделена на три административных центра: Чупровский (с. Чупрово, деревни Муфтюга, Коптюга, Верхозерье), Пучкомский (с. Большая Пучкома, деревни Большое Островo, Выльгорт, Кирик, Малая Пучкома, Тойма), Важгортский (с. Важгорт, деревни Большие Чирки, Выльвидзь, Пасма, Кривое). Эта пограничная территория была и остается старообрядческим центром, где среди коми населения распространено учение сторонников «древлего благочестия». Явление само по себе уникальное, так как на протяжении двух столетий коми сохраняли слово и дух древнерусской книжности и веры, при этом не утратили свой язык и культуру[1].

Строительная обрядность представляет собой действия по возведению дома, строгая регламентация которых начиналась с заготовки леса, выбора места для застройки и определения времени, благоприятного для начала строительства. Указанные

[1] Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры. Материалы и исследования. Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2002. С. 4.

процедуры выбора определялись как практическими соображениями, так и причинами сакрального характера. Детальная разработанность ритуалов, их тотальный характер свидетельствует о том, что процесс строительства жилища был сакрализован [2].

Обрядовые действия требовали неукоснительного выполнения существовавших правил. Особое значение придавалось выбору материала для дома, места и времени строительства. Вероятно, именно этим можно объяснить весьма развитую структуру обряда строительства дома у коми (зырян).

Основным строительным материалом у коми (зырян) было дерево[3], в качестве которого использовали сосну, на нижние венцы иногда брали лиственницу, а ель использовали при строительстве хозяйственных помещений[4]. Считалось, что не каждое дерево было пригодно для изготовления сруба. Неправильно выбранное дерево для строительства дома могло принести несчастье. Поэтому выбор деревьев или же осмотр уже подготовленных бревен осуществляли «знающие» старики. Непригодными для постройки дома считались деревья, у которых на коре имелась выпуклость, окружающая ствол в виде обруча, сучья которых росли вверх вдоль ствола, а на стволе возле сучка имелась ложбинка; деревья с двумя вилкообразными вершинами, деревья, имеющие в одной части сухой верхний слой, деревья, у которых от ствола под острым углом рос толстый сук и т.д.[5] Заготовку леса осуществляли зимой или

[2] Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. С. 25.

[3] Теребихин Н.М. Строительный миф и ритуал в традиционной культуре пермских народов // Вопросы этнографии народа коми: Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР. Сыктывкар: Изд-во КФАН СССР, 1985. Вып. 32. С. 124.

[4] Семенов В.А., Чудова Т.И. Введение в коми этнологию: учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2004. С. 45.

[5] Конаков Н.Д. Строительная обрядность // Этнографическая электронная энциклопедия. Традиционная культура народов Европейского северо-востока России. Коми. Этническая история. http://www.komi.com/FOLK/komi/106.htm [14.03.2013].

ранней весной. Рубка леса совершалась силами членов строящегося семейства или ближайшими родственниками. Заготовленный лес свозился к месту, выбранному для постройки дома.

В вашкинском этнографическом кусте к заготовке леса для строительства дома подходили основательно. Заготовкой хлыстов занимался глава семейства, выбирая подходящее время, чаще всего осенью, когда еще снега было мало. Выбирали сухое место, обычно сосновый бор. Дерево должно было быть высоким, прямым, без сучьев. Приветствовалось, чтобы деревья были большого диаметра и чтобы их структура была плотной. Высота дерева должна быть не меньше 20-22 метров, в диаметре 22-24 см. Под фундамент старались брать лиственницу, так как это дерево меньше гниет[6].

После заготовки леса деревья свозили к месту строительства на санях, пока снега было мало, либо весной во время половодья. Затем весной во время сокодвижения ошкуривали бревна, ибо кора легче всего снималась в этот период[7].

При строительстве нового дома большое значение придавалось выбору места. Практицизм в выборе площадки под строительство дома сводился к тому, что предполагаемое место должно быть сухим, высоким, светлым. Выбор места для строительства будущего дома осуществлял хозяин дома. Символизм связан с наделением места положительным значением. Оно должно было быть счастливым, обжитым, то есть проверенным временем, где жизнь людей проходила в полном благополучии: «ми выль керкасӧ кыпӧдлiм важ местаас, сы вӧсна, мый важӧнсӧ танi овсис бура» (Мы новый дом построили на старое место, потому что раньше здесь жилось хорошо)[8]. В данном случае подразумевалась помощь предков. Если выбиралось новое место, то кто-то

[6] ПМА: Лукина М.А. 1932 г.р., с Важгорт. Зап. 2013 г., с.Важгорт Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[7] ПМА: Остапов Е.Д. 1930 г.р., дер. Кривое. Зап. 2013 г., дер. Кривое Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[8] ПМА: Давыдов В.И. 1933 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

должен был остаться жить на старом[9]. Неудачными для строительства дома считались места, где проходила дорога, стояла баня или были захоронения, то есть места, наделявшиеся негативной семантикой.

Выбор времени начала строительства дома связан с практикой удачного «вписывания» в детально разработанный ход годового цикла, для которого была характерна жесткая регламентация хозяйственных, экономических, религиозных и других аспектов деятельности человека и коллектива. Необходимо было согласовать процесс строительства с календарной обрядностью. По словам В.И. Давыдова из с. Чупрово, начало строительства назначали на середину марта или же на то время, когда люди были свободы от других хозяйственных проблем[10].

Ко второму комплексу строительной обрядности относятся действия, которые сопровождали и оформляли важнейшие структурные единицы дома. Специальные обрядовые церемонии отмечали сооружение трех основных элементов вертикальной конструкции дома: закладка сруба, укладка матицы и установка князевого бревна[11].

По фольклорным данным, в погребе совершались захоронения предков[12]. Верхняя часть дома рассматривалась как сакральная сфера, что подчеркивалось скульптурно-оформленными изображениями птиц, коней, лосей на князевом бревне и уключинах.

---

[9] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1971. С. 75.

[10] ПМА: Давыдов В.И. 1933 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[11] Теребихин Н.М. Традиционные представления народов коми, связанные с плотницким ремеслом (XIX – начало XX в.) // Вопросы этнографии народа коми: Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР. Сыктывкар: Изд-во КФАН СССР, 1985. Вып. 32. С. 159.

[12] Коровина Н.С. Древние погребальные обычаи коми (по материалам фольклора) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: сб. ст.: в 2 т. Т. 2. Филология. Этнология. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 130.

Профанному миру, миру человека, отводилась непосредственно жилая часть дома, где матица символизировала мировое дерево. Символически дом приравнивался к Космосу, а его возведение шло по строго определенным правилам, нарушение которых влекло за собой разрушение дома и Космоса в целом[13].

Известно, что коми (зыряне), в том числе и вашкинские коми, определяли место, где должен находиться передний угол дома, с помощью гадания. Как отмечает Н.Д. Конаков, для этой цели по всем четырем углам места, выбранного для постройки, втыкались колья, после чего хозяин дома вставал в центре площади между ними и бросал через голову вверх маленький круглый хлебец. К какому колу ближе падал хлебец, там и определялось место для переднего угла. Поскольку гадание проводилось трижды, у хозяина была возможность для маневра. После выбора места хозяин дома приносил в скатерти рыбный пирог и бутылку водки и клал их на месте переднего угла. Затем, помолясь Богу, он угощал водкой и рыбником всех присутствовавших при гадании[14].

К рубке сруба дома приступали в марте. Выбор первого месяца календарной весны для начала строительства дома был связан с идеей общего пробуждения, возрождения природы, с началом активного солнечного периода. Кроме того, в марте (со дня весеннего равноденствия) у древних коми начинался новый год. Оба эти события в народном мировоззрении сопоставлялись с актом космогенеза. Рубили сруб обычно плотники-профессионалы, которые отождествлялись с колдунами. Плотников, обладающих «плотницким даром», рассматривали как особых, посвященных людей, чье высокое профессиональное мастерство было обусловлено их связью с колдовским, нечеловеческим миром, лесом[15]. Но первый удар по бревну обязательно наносил будущий хозяин дома, а не плотник. При этом он подбирал щепку и тщательно

[13] Семенов В.А., Чудова Т.И. Указ. соч. С. 46.

[14] Конаков Н.Д. Строительная обрядность. URL: http://www.komi.com/FOLK/komi/106.htm [14.03.2013].

[15] Теребихин Н.М. Традиционные представления народов коми, связанные с плотницким ремеслом (XIX – начало XX в.). С. 160.

хранил ее до установки первого венца, именно тогда он подкладывал щепку под него в красном углу[16]. На Вашке хозяин будущего дома строго наблюдал, чтобы не допустить к строению подозрительных людей, которые могли «испортить» дом. Порчу дома мог осуществить любой человек:

– А кыдз стрöитчигас проклинайтöны? (А как во время строительства проклинали?)

– А кыдзкö, пуктас дай, мед тэнад олöмыд оз ло. (А как-то, положит и все, чтоб жизни у тебя не было.)

– А мыйкö пуктö сэтчö нарошнö? (Что-то нарочно туда положит?)

– Да. Нарошнö пуктас и, лыддяс молитва, кутшöмкö тöдас и. (Да. Нарочно положит и молитву прочитает, какую знает.)

– Сійö стрöитчигас сідз вермас лоны? А сідзкö, стрöитчигас тожö колö керкасö видзны, да?) (И во время строительства так может быть? Тогда тоже нужно дом оберегать?)

– Кöнешнö. Мукöдыс сразу пуктасны кодзувкот. (Конечно. Некоторые сразу туда муравьёв ложат.)

– А кодзувкотсö кö пуктан, сійö мый? (А если муравьёв положить, то что?)

– Мед разводитчас скöт и весь сэтöн. Мед мунö, мунö мукöдыслöн выль дöмас сідзи петöны да весь пröпадас и джагалö и. Öні нинöм оз тöдны том йöзыс да. (Скот погибнет и все, что есть. Некоторые в новый дом переходят, все погибает. Сейчас молодые ничего не знают.)

– А кор лёксö кöсйöны карны, сэк мый пуктöны керкаас? (А чтоб плохое сделать, что ложат?)

– Мыйöн ми тöдам. Быдтор. Лыддясны, мися, молитва да. Пуктасны, гашкö, эсійö, кузь бöжъяссö сотасны да, косьтасны да. (Откуда мы знаем. Всякое. Прочитают молитву. Может и длиннохвостых ложат, сжигают или сушат).

– Кутшöм кузь бöж? (Кто такие длиннохвостые?)

– А выйым тай ветлысьö мыйкö, кöні турунъяс вывтіыс. (Есть же такие, ходят по траве).

[16] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. С. 76.

– Рочӧн кӧ сійӧ ящерица, наверно? (По-русски «ящерицы» быть может?)

– Ящерица кодьыс. (Похоже на ящериц.)[17]

Непосредственное возведение дома начиналось с установки оклада. Дома рубили в обло, значительно реже встречается практика рубки в лапу, вашкинцы называли такой способ «чистый угол». Такой способ рубки более сложный, но наиболее надежный. Вырубка пазов при укладке сруба производилась с нижней стороны бревна, верхняя остается круглой. Паз, вырубаемый в виде желоба по всей длине бревна, при наличии моховой прокладки, довольно плотно охватывал выпуклую сторону лежащего ниже бревна.

Для того чтобы справиться со строительством быстрее, крестьяне приглашали родственников или соседей на «помочи». Плата за участие не полагалась, лишь после окончания работы хозяин устраивал угощение с большим количеством домашнего пива. Помочью сруб поднимали за один-два дня. Расплачивался хозяин с участниками помочей также и тем, что безотказно отправлялся помогать каждому, кто принимал участие в постройке его дома. «Стрӧитчыны корлывлім йӧзӧс, ёрта-вежӧн уджавлім» (На строительство звали людей, работали так, что в следующий раз они звали на помощь)[18]. Считалось, что при рубке сруба на каждый угол должен быть один человек. «Кымын пельӧс, сы мында и морт» (Сколько углов, столько и людей)[19]. Под первый венец укладывали мелочь и овечью шерсть. «Эзысь деньга быд пельӧсӧ. Небасны местасӧ» (Серебряную монету в каждый угол. Покупали место)[20].

[17] ФА СыктГУ. АФ 0933-34, 37, 39: июль 1999, Республика Коми, Удорский район, с. Важгорт Бутырева Л.К., 1933 г.р. (урож. д. Кривое). Зап. Филиппова В.В.

[18] ПМА: Давыдов В.И. 1933 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[19] ПМА: Остапов Е.Д. 1930 г.р., дер. Кривое. Зап. 2013 г., дер. Кривое Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[20] ПМА: Яковлева В.М. 1940 г.р., дер. Кривое. Зап. 2013 г., дер. Кривое Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

Во время работы по возведению любой постройки было принято, чтобы рядом стоял пожилой человек, наблюдавший за ходом строительства. «Пывсян срубӧс пуктігӧн Сашка дедӧ дорся сулалі. Отсавнысӧ, дерт, эз нин вермы, но нарежайтчи. Пӧрысь йӧзсӧ кывзыны колӧ, найӧ уна нин стрӧитчылісны, тӧдасны уна» (Когда сруб бани возводили, дедушка Саша рядом стоял. Помочь уже был не в силах, но указывал, как правильно нужно строить. Пожилых людей слушать надо, строили много, знают много)[21]. Приветствовалось, если кто-нибудь из пожилых людей хвалил работу и будущий дом, желал долгой жизни в нем[22]. Хозяйка молила Бога: «Господьӧ, сет миян тайӧ местасӧ и овны вӧля» (Господи, дай нам это место и жить здесь вволю)[23].

Во время возведения дома, хозяйка или приглашенный человек читали молитву на основание дома: «Боже Вседержителю, сотворивый небеса разумом и основавый землю на тверди ея, Создателю и Содетелю всех, призри на раба Твоего (имя), изволишаго в державе крепости Твоея воздвигнути дом в жилище, и зданием его воздвигнути. Утверди его на твердом камени и основай по Твоему Божественному евангельскому гласу, его же ни ветр, ни вода, ни ино что повредити возможет; благоволи и в конец привестися и хотящих в нем житии от всякаго навета сопротивнаго свободи. Яко Твоя держава, и Твое есть Царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь»[24].

По завершении установки оклада строительные работы прерывались и хозяин дома устраивал участникам обильное угощение. Внутри сруба шерстью вверх стелили овчину, раскладывали на ней кушанья и напитки. Участники праздничного обеда

[21] ПМА: Бутырев В.Р. 1965 г.р., с. Важгорт. Зап. 2013 г., с. Важгорт Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[22] ПМА: Давыдова Н.М. 1938 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[23] ПМА: Яковлева В.М. 1940 г.р., дер. Кривое. Зап. 2013 г., дер. Кривое Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[24] ПМА: Давыдова Н.М. 1938 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

рассаживались кругом и приступали к трапезе. На этом первый этап строительной обрядности, связанный с обеспечением благополучия возводимого дома «снизу», заканчивался[25]. Праздничный обед готовила хозяйка будущего дома, в состав трапезы входили мясной суп, тушеное мясо, творог (шома йöв), рыба, хлеб, квашеная капуста, из напитков квас (ырöш) и водка. «Водка пуктасны, медым мудз воштыны» (Водку ставили на стол, чтобы снять усталость)[26].

Следующий этап, целью которого было обеспечение благополучия дома «сверху», начинался с торжественного подъема матицы. Для этого события также готовилось обильное угощение. Обрядовая трапеза устраивалась либо перед подъемом матицы, либо уже после ее установки. Обрядовые действа, связанные с устройством границ мира людей и мира предков, подчеркиваются числовой кодировкой. Так, пол и потолок старались установить на нечетном числе венцов сруба: пол – на 7 или 9, потолок (матицу) – на 17 или 19. Во втором случае строительный обряд по подъему матицы был более красочным.

По поводу установки князевого бревна хозяин дома устраивал последнее торжественное угощение[27]. Так, например, в с. Чупрово во время установки князевого бревна строители говорили такие слова: «Керъяс дом вина, оз ліб» (Привяжи к бревну бутылку водки, не поднимем же)[28]. Хозяйка дома приносила бутылку водки, которую привязывали к князевому бревну. Но на этом они не останавливались и требовали рыбник, в шутку говорили: «Курник вай пöвтанысь» (Рыбник неси из камбалы)[29]. После принесенных угощений поднимали князевое бревно.

---

[25] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. С. 77.

[26] ПМА: Лукина М.А. 1932 г.р., с Важгорт. Зап. 2013 г., с Важгорт Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[27] Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. С. 77.

[28] ПМА: Давыдов В.И. 1933 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[29] Там же.

По словам В.И. Давыдова из с. Чупрово, работу по внутренней отделке выполнял сам хозяин дома, иногда приглашал плотников из соседней дер. Муфтюга, а рамы для окон он заказывал в селе Пучкома[30].

Полы обычно устраивали одинарные на переводах (переводинах), для чего использовали распиленные пополам бревна. Полы устраивались высоко от земли, примерно на одной трети высоты сруба, иногда еще выше, до половины высоты сруба. Такое расположение полов позволяло использовать подпольное помещение для хозяйственных нужд. В том случае, если пол сооружался двойной, то его настилали из толстых плах. В современных условиях пол чаще всего укладывают из толстых плах.

Устройство потолка аналогично установке пола, но только он всегда был «одинарным», независимым от того, сделан ли он из круглых бревен или из плах. Упирались концы бревен или плах потолка в пазы, вырубленные в одном из венцов сруба. Потолок поддерживался матицей. Сверху на потолок насыпалась земля для теплоизоляции.

Стены изнутри помещения обычно стесывались, оставляя круглыми три верхних венца. Оконных проёмов в избе обычно 4-5, а во всем доме их количество достигало 9-10 и даже 12, если дом одноэтажный. Двухэтажные дома имели окон вдвое больше. Размеры окон различные. Самые маленькие (волоковые) окна – 40х50 см. Сейчас таких окон уже не делают. Наиболее распространенный размер окна 60х80 см, но бывают и больше. Окна малого размера были без косяков, в проем вставлялась одна рама. Большие окна имеют косяки, подоконники и двойные рамы, причем наружные рамы имели створки, т.е. они могли открываться. Вход в избу с улицы оформляли через крыльцо и сени. Дверь, ведущая в сени, всегда открывалась внутрь. Ширина ее достигала 90-100 см, высота около 2-х метров. Дверь из сеней в избу имела примерно такие же размеры, что и уличная, но открывалась она всегда наружу – в сени, а не в избу.

[30] ПМА: Давыдов В.И. 1933 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

Возведенный дом без печи рассматривался как нежилое помещение. В домах вашкинского этнографического куста русские печи возводили только в избе, а в горнице обычно ставили печь-голландку, реже печь-плиту. Клали печи из самодельного кирпича, глинобитные печи исчезли к началу XX века.

С домашним очагом у коми связан комплекс представлений о домовом. По народным поверьям, олысь (домовой) не переходил в новый дом до сооружения там очага, который зажигали, использовав огонь из прежнего, тем самым как бы символизируя неразрывную связь поколений. Как домашнему покровителю, олысю выставляли еду и питье. Во время трапезы, хозяйка приглашала домового: «Дӧмӧвой дедушко да бабушко, локтӧ сейӧ миянкӧд, нянь-сов сейны юкын, асьным пӧтӧсь и тіянӧс тшӧтш вердам-удам» (Домовой дедушка да бабушка, идите, ешьте с нами, хлеб-соль вместе есть, сами сытые и вас накормим-напоим)[31].

Хозяин дома определял окончательную готовность дома и дату переселения. Третий комплекс обрядовых действий был связан с переходом в новое жилище. В символической организации пространства новый дом наделялся отрицательной, нечистой семантикой. С переходом в новое жилище были связаны устойчивые представления о фатальной неизбежности смерти какого-либо живого существа, поэтому процесс переселений развертывался в целое драматическое действие со строго разработанным сценарием.

Переход в новый дом совершался обязательно ночью, близ полуночи. «Кор ми заводитім панны керканымӧс, корим тӧдысь бабӧс. Сійӧ медводз кер горулас асыввыв пельӧсас пуктіс ичӧт кӧрт ӧбраз, быд пельӧс тшынӧдіс да молитіс, вежа ваӧн резіс. Водз асывнас мӧдім важ олан керкаысь, тшӧтш мӧдӧдім доможилечсӧ. Куш киӧн оз мунны, колӧ босьтны киӧ кепысь либӧ вурун, либӧ баля гӧн. Мӧд морт босьтас кань. Мунігӧныс оз ков некодкӧд паныдасьны и сёрнитны. Выль керкаас медводз колӧ лэдзны каньӧс, сійӧ жырйыс лоас медся оланаӧн. Корт тэ петан ас керка-

[31] ПМА: Яковлева В.М. 1940 г.р., дер. Кривое. Зап. 2013 г., дер. Кривое Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

ад, сійӧ луныс быд во лоӧ домӧвӧй лунӧн. Домӧвӧйсӧ сэки колӧ казьтывны-ошкыны, няньӧн-солӧн чӧсмӧдлыны:

Доможилушкаӧ – батюшка, доможилушкаӧ – кранилушка,
Хранит да бережит да благословит дӧмӧс да двӧрӧс
Притчаысь да пакостьысь, биысь и ваысь,
Злӧй вӧрӧгысь да супостатникысь.

(Когда мы начали возводить свой дом, позвали бабушку-знахарку. Она для начала под бревно красного угла положила образок, потом каждый угол окурила, прочитала молитвы и святой водой обрызгала. Рано утром отправились из старого дома, позвав с собой домового. С пустыми руками идти нельзя, нужно взять либо вязаные варежки, либо моток шерстяных ниток, либо овчину. Второй человек несет кошку. По дороге не стоит ни с кем сталкиваться и разговаривать. В новый дом первой пускали кошку. В какую комнату заходила, та и становилась самой обжитой. День перехода в новый дом считается днем домового. Тогда домового нужно вспоминать и хвалить, хлебом-солью угощать:

доможилушка-батюшка, доможилушка-хранилушка,
храни и береги да благослови дом и двор
от всякой притчи и пакости, от воды и огня,
от злого врага и супостата).

Выль керка вежӧдны корлім Діысь Митя Саня тьӧтӧс. Быд жыр, быд пельӧс молитіс, сись биӧн вежӧдіс, вежа ваӧн резіс. Быд жырйӧ джоджас лодіс корт деньга. «Кытчӧ дзильговтчис, сэн и мед куйлӧ некымын лун» – висьталіс сійӧ. Ӧнӧдз на пельӧсъясас куйлӧн копейкаясыс» (Новый дом освятить позвали из дер. Острово тетю Александру Дмитриевну. Каждую комнату, каждый угол освятила, свечой окурила, святой водой обрызгала. В каждой комнате на пол бросила мелочь. «Куда укатилось, пусть там и лежит несколько дней», – сказала она. До сих пор в углах лежат эти копейки)[32].

Дом обязательно освящали: «Выль керкаӧ петтӧдз сійӧс медводз вежӧдісны. Овліс и сідз, мый керкаын овтӧдзыс вӧлӧма

[32] ПМА: Молодцова С.И. 1961 г.р., с. Важгорт. Зап. 2013 г., с. Важгорт Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

мыйкӧ лёктор, шуам, озйыліс ли, мый ли. Сэки, керка вежӧдӧмӧдз, кӧзяинысльі колӧ вӧлі кайны репӧдас (йиркӧ), босьтны кузь ньӧр, став вынсьыс кучкавны керка вевтӧ да ёна матькыны, тадз быттьӧ вӧтлан лёксӧ, коді поздысьлӧма нин керка пытшкӧ. Ёна и дыр колӧ кучкавны да матькыны, мудзтӧдз. Сэсся репӧдӧ и кольны ньӧрсӧ, ӧшӧдны лёкыслы тыдалан местаӧ. Сы бӧрын сӧмын вежӧдлісны пежасьлӧм керкасӧ» (При переходе в новый дом его прежде всего святили. Бывало и так, что раньше здесь случалось что-то плохое, например, горело или еще что-то. Тогда хозяину дома перед освящением надо было подняться на чердак дома и длинной палкой со всей силы бить крышу и материться. Считалось, что таким образом прогоняешь плохое этого дома. Долго надо было бить и материться, до устали. Потом эту палку нужно было оставить на чердаке, повесив на видное место, чтоб плохое видело его. Только после этого освящали дом)[33].

Так, например, в с. Чупрово после освящения дома в сарае под крышей оставляли мешочек белого цвета из ситца, размером 30х40 см, с перьями утки или шерстью овцы. «Бабыс керкасӧ святитіс да пуктіс мешӧксӧ матіч улас и шуис, мед ог вӧрзьӧдӧй места вывсьыс. Ӧнӧдз на сэні олӧ, эг и вӧрзьӧдлӧй» (Бабушка дом освятила и мешочек под матицу положила и сказала, чтоб не трогали. До сих пор он там, не трогали)[34].

Существовали четкие правила освящения дома, когда хозяин не должен находиться в доме, что может привести к несчастью: «Асывнас ысті верӧсӧс выль керкаас люстра ӧшӧдны. Ме мӧдӧді тьӧтӧн шуысьӧс, мед петкӧдас Коляӧс керкаысь. Но сідз артмис, мый ми воим вежӧдны выль керкасӧ, а сэні Коля век на уджалӧ. Косьта Лидя тьӧт сӧмын кинас ӧлыштіс да шуис: «Оз дыр ов». И быттьӧ тӧдіс. Коля верӧсӧй некымын во оліс да томӧнбурӧн куліс. Сарство небеснӧй» (Утром отправила мужа в новый дом люстру вешать. А чуть позже племянницу, чтоб отправила

[33] ПМА: Калинина И.В. 1971 г.р., с. Важгорт. Зап. 2013 г., с. Важгорт Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[34] ПМА: Прохорова Г.М., 1961 г.р., с. Чупрово. Зап. 2013 г., с. Чупрово Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

его домой. Так получилось, что мы пришли освещать новый дом, а там Коля все еще работает. Лидия Константиновна только рукой махнула и сказала: «Долго жить не будет». И будто знала. Коля еще несколько лет пожил и умер молодым. Царство небесное)[35].

После обрядов освящения и переселения хозяин пригонял из старого дома скот, на чем обряд переселения завершался[36].

Если хозяин дома умирал после его полной постройки, но до переселения, его семья оставалась жить на старом месте. Новый дом признавался несчастливым и приобретал статус заброшенного[37]. Такие дома, по поверьям коми, заселялись нечистой силой и становились опасными для любого решившего заночевать в них.

Таким образом, возведение дома имело как практические, так и символические аспекты. Выбор строительного материала и места для будущего дома сопровождался определенными ритуалами, поверьями и запретами. Ритуальные действия, связанные с установкой оклада, подъемом матицы и установкой князевого бревна, были направлены на обеспечение благополучия дома и членов семьи. Ритуально-мифологический сценарий перехода в новый дом предполагал соответствующий обрядовый реквизит, сценическую площадку, где активную роль играли ритуальные двойники – заместители человека, которые своей смертью должны были «очистить» новый дом.

[35] ПМА: Бозова В.П., 1958 г.р., с. Важгорт. Зап. 2013 г., с. Важгорт Удорского района Республики Коми. Соб. Бутырева А.В.

[36] Конаков Н.Д. Строительная обрядность. URL: http://www.komi.com/FOLK/komi/106.htm [14.03.2013].

[37] Там же.

Е.О. Максимова

ОБРАЗЫ ЖИЛИЩА ПЕЧОРСКИХ ПРИЧИТАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ[1]

В традиционной картине мира, как и непосредственно в жизни людей, жилище занимает важнейшее место. Оно, как отмечал А.К. Байбурин, по своей структуре напоминает модель мироздания [2]. Несмотря на такую роль жилища, в фольклорных произведениях ему отводится второстепенная роль[3]. Однако это не снижает интереса к характеристике образов дома и других построек в фольклоре. Кроме того, с ними связаны различного рода коммуникации, возникающие в обрядовом контексте и, соответственно, в произведениях обрядового фольклора. А.К. Байбурин отмечает, что «жилище – один из ключевых символов культуры. С понятием "дом" в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека»[4].

Объектом данного исследования стали свадебные и несвадебные (похоронно-поминальные, биографические, воинские – при проводах на Великую Отечественную войну) причитания,

[1] Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ и Республикой Коми (№ 14-14-11003).

[2] Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 12.

[3] См., например: Смолицкий В.Г. Русь избяная. М., 1993. С. 7.

[4] Там же. С. 3.

записанные на Печоре – в Усть-Цилемском районе Республики Коми и Ненецком Автономном округе Архангельской области. Предметом изучения являются образы жилых построек, а также отдельных их частей, запечатленные в данных плачах.

Источниками исследования стали опубликованные и архивные материалы, относящиеся к периоду с 1929 г., включая современные материалы. К первым относятся публикации записей, сделанных А.М. Астаховой (1929 г.), Н.П. Колпаковой (1929, 1955 г.), Н.П. Леонтьевым (1938 г.; 1940 г.), экспедицией Карело-Финского государственного университета под руководством В.Г. Базанова (1942 г.). В качестве архивных привлекаются записи из собраний МГУ (1978, 1980 г.) и СыктГУ (1980-2000-е г.), а также неопубликованные материалы Н.П. Колпаковой (1929 г.) (См.: «Источники. Архивные источники»). Всего нами было проанализировано более 500 текстов похоронно-поминальных (203 текста), свадебных (323 текста), бытовых (13 текстов) и проводных (4 текста) причитаний. В данном корпусе записей превалируют материалы из Усть-Цилемского района (470 текстов), нижнепечорские причитания представлены значительно скромнее. Нами использован метод сплошной выборки, в ходе которой выявлено 26 номинаций и определительных сочетаний (275 употреблений)[5], относящихся к тематическому полю «Жилище». Целью данной работы является образно-тематическая характеристика жилища в причитаниях Печоры и оценка роли образов жилища как объектов, связанных с разного рода коммуникациями.

Причеть порождена семейно-бытовыми обрядами или обрядами переходного типа и является основным фольклорным жанром, сопровождающим и оформляющим переход индивидуума в иной статус[6]. В свадебных ритуалах коммуникантом чаще всего выступает невеста, которая обращается к представителям

[5] Весь набор выявленных материалов представлен в Приложениях к статье.

[6] Герасимова Н.М. Поэтика плача в севернорусских причитаниях // Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. Приложение № 7 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка. СПб., 1998. С. 13.

своего рода и рода жениха. В похоронно-поминальных причитаниях коммуникация осуществляется между миром живых и миром мертвых.

Рассмотренное нами тематическое поле «Жилище» можно разделить на 4 микрополя:

«Жилые постройки» (**дом** (12 употреблений), **хоромина** (7), **терем** (6), **изба** (5), хата (4), **квартира** (1));

«Части жилища» (**горница** (15), **светлица** (11), **сени** (9), **комната** (1));

«Предметы интерьера» (**лавица** (15), **печь** (15), **стол** (11), **столешенка** (2), **кровать** (1), **стулья** (1));

«Границы, входы/выходы» (**полы** (25), **крыльцо** (5), **матица** (4), **пороги** (2) и **лесенка** (1), **двери** (21), **окошечки** (19)).

Всего было выявлено 26 объектов, составляющих тематическое поле «Жилище».

Отметим, что несвадебные и свадебные причитания обнаружили одинаковое количество исследуемых номинаций, однако в свадебных плачах встретилось большее количество объектов микрополя «Предметы интерьера» (5 номинаций) и «Границы, входы/выходы» (8 номинаций), тогда как в похоронно-поминальной причети центральное место занимают объекты микрополя «Жилые постройки» (8 номинаций) (см. Приложение № 2). При этом были выявлены номинации, которые были характерны либо для несвадебных плачей (изба, квартира, хата, комната, стулья), либо для свадебных причётов Печоры (сени, кровать, столешенки, лесенка, матица, пороги). Биографические причитания более всего тяготеют к похоронно-поминальным плачам, так как в них, как нередко и в погребальной поэзии, описывается жизнь вопленицы и ее близких, и зачастую она обращается к своим уже покойным родственникам. Ввиду близости с похоронно-поминальной причетью биографические причитания обнаруживают те же номинации (например, метафорические замены дома «гнездо», «кольцо»).

Большинство употреблений, относящихся к тематическому полю «Жилище», было выявлено в корпусе похоронно-по-

минальных текстов при описании жизни живых людей либо умерших (например, дом, горница, светлица, окошечко, полы и т.д.). Данный тип плачей в большинстве своем направлен только на коммуникацию между двумя мирами («своим» и «чужим»). В свадебных причитаниях прослеживается четкая связь текста с обрядовыми коммуникациями. Например, в плачах при расплетении косы девушки-невесты встретились следующие образы жилища: печь, пол, лавица; при описании прихода подружек девушки перед невестиной баней актуализируются такие образы, как сени, дверь, порог.

Связь образов жилища с обрядовыми коммуникациями в свадебных причитаниях Печоры

Г.А. Левинтон предлагает рассматривать свадьбу как текст, который сопоставим с повествовательным текстом: «обряд не столько действие “для чего-то” (прагматика), сколько высказывание “о чем-то” (семантика)»[7]. Исследователь также делает вывод, что «социальный план ритуала, например, переход жениха и невесты в иную возрастную группу, является не только его целью, но и смыслом, он не только санкционируется и оформляется обрядом, но и включается в его сюжет, а следовательно, и смысл – “описывается” в нем», и сам свадебный текст состоит из двух частей: текста жениха (M – текст) и текста невесты (F – текст)»[8]. В большинстве тексты свадебного обряда являются «женскими» не только потому, что исполняются женщинами (невестой, крестной матерью, подругами невесты), но и потому, что описывают внутреннее закрытое, защищенное «женское» пространство (например, внутреннее обустройство родительского дома: печь, стол, лавки и т.д.). «Мужской» текст по сравнению с «женским» тяготеет к открытому, опасному («эпическому») пространству.

[7] Левинтон Г.А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 212.

[8] Там же. С. 212-213.

С.Е. Никитина и Е.Ю. Кукушкина отметили, что главным локусом в свадебных причитаниях является дом[9]. А.В. Гура утверждает, что «в пространстве свадебного дома (дома невесты и дома жениха) семантизируются отдельные его участки: покутный, красный угол – почетное место, куда сажают молодых на свадьбе; пространство возле печи; отдельное помещение в доме (чулан, холодная часть избы, чердак), где молодые проводят брачную ночь <…> Особое внимание уделяется границам дома: воротам или дверям, вход в которые для жениха и сопровождающих его лиц осуществляется с помощью выкупа; порог, за которым находятся посторонние зрители, на который опасно наступать, через который переносят невесту на руках и т.д.; потолочная балка (матица) в доме, за которую не заходят сваты, приехавшие сватать, на которую забрасывают покрывало невесты и т.д.»[10]. Таким образом, отмечает исследователь, при перемещении из одного локуса в другой ритуально и символически выделяют все границы, преодолеваемые участниками обряда[11].

Исполнение причитаний было связано с наиболее значимыми моментами «невестиной» свадьбы в ее довенечной части[12]. Что касается коммуникативности в свадебных причитаниях, то основным связующим звеном в них является невеста, именно она

[9] Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М., 2000. С. 16.

[10] Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012. С. 563.

[11] Там же. С. 564.

[12] В усть-цилемской свадьбе «причитания начинали звучать с того момента, когда было достигнуто окончательное соглашение о предстоящей свадьбе, – сразу после рукобитья; затем причетные тексты исполнялись утром свадебного дня и при приезде дружек, когда невеста причетами встречала их, а также своих родственников, приносивших ей подарки; перед и после посещения бани, во время расплетения и заплетения косы; при выдаче невесты жениху. <…> Оплакивание невесты происходило и на девичнике» (Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы: учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002. С. 33).

соединяет род жениха и свой род в широком смысле. Между невестой и отдельными представителями обоих родов (родители, сваты, подруги, крестная) осуществляются менее масштабные локальные коммуникации при различных обрядовых действах (например, рукобитье, расплетение косы, баня).

Рассмотрим, какие образы тематического поля «Жилище» нашли отражение в текстах плачей, оформляющих эти коммуникации.

Наибольший интерес представляет сговор, включающий рукобитье. Т.И. Дронова отмечает, что обряд рукобитья в усть-цилемской свадьбе представляет собой общественную форму санкционирования и гарантирования брака[13]. Обряд проводился после получения согласия невесты и договора о «запросе» и его выплаты, после передачи «задатка», обсуждения приданого невесты и назначения времени свадьбы. Сам текст свадебного плача, приуроченного к этому моменту, строится на мотивах комментирующих и универсальных.

В связи с рукобитьем в исследуемых причитаниях появляется большое количество образов, принадлежащих тематическому полю «Жилище». Так, например, в одной из записей 1929 г. мы видим их уже в зачинном фрагменте, в обращении невесты к отцу:

Не ставай-жо, мой гора высокая,
Со лавицы со ***брусчатоей***,
На белы полы на ***еловые***,
На часты мелки перекладинки!
(Колпакова № 2: 1-4[14]).

Начало коммуникации – начало акта рукобитья, которое выполняет отец невесты. При этом сидение на лавке сменяется встава-

[13] Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар, 2002. С. 227.

[14] Здесь и далее при цитировании указывается сокращенное название источника (см. «Сокращения»), № текста в нем или шифр записи, двоеточием отделены номера процитированных стихов; тексты цитируются в соответствии с источником. Курсив в цитируемых примерах наш – Е.М.

нием и последующими действиями при стоянии на полах[15] (молитва, рукопожатие – «рукобитье»), то есть неподвижность сменяется активным действием. Текст причитания четко фиксирует смену ситуаций (сидение до начала рукобитья – движение в акте самого рукобитья) посредством интерьерных образов (лавица – полы).

Далее в тексте следует непосредственно описание ритуального акта:

Не давай свою да ручку правую
Ты злодею, свату большему,
Через ***столы*** через ***дубовые***,
Через ***столешенки шатровые***,
Через скатерти да шито-браные,
Через питья-ества сахарные,
Через рюмочки да хрустальные,
Через стакашики
да через пивные!
(Колпакова № 2: 12-19);

Подойди-ко да подступи-ко
По ***гладку полу*** по сосновому,
По частым-мелким
перекладинкам,
До ***стола*** ли да до ***дубового***,
До ***столешенки*** до ***кедровые***
(Леонтьев № 47: 47).

Ключевой момент сговора – рукобитье – является центральным и в плаче невесты. Самым значимым объектом при описании рукобитья в причитании является стол, особо почитаемый предмет домашнего интерьера, место, связанное с совершением основных домашних обрядов. В данном причитании представлен архаический обряд рукобития через стол[16]. В народных представлениях стол уподоблялся церковному престолу[17]. Исследователями отмечено, что в этикетном поведении пожимание рук и их разжимание свидетельствовало о завершенности дела и окончательном договоре сторон, не подлежащем пересмотру[18]. В плаче

[15] В былинах Печоры пол также появляется в сюжетных ситуациях с активными действиями персонажа – «проходки героя» (князь Владимир, Илья Муромец, Дунай Иванович), см.: БП 1, с. 729.

[16] Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы. С. 227-228.

[17] Топорков А.Л. Стол // Славянские древности : Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 2. С. 166-167.

[18] Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л., 1990. С. 39.

невесты акцентируется внимание на ключевых ритуальных действиях и на значимых объектах, среди которых оказываются стол и столешенки.

Плач на рукобитье завершается универсальным мотивом сетования невесты на раннее замужество. Как мы видим, здесь описывается пространство родного дома невесты:

Кормилица моя, гора высокая!
Что скучным тебе наскучила?
Что скучным напрокучила?
Не ***окошечки*** я у тя проглядела,
Не ***лавочки брусовы*** просидела,
Не ***белы полы*** протоптала,
Не ***пороги*** у тя да прохоркала,
Крючки крепкие
да не провичкала,
Не сундук платья износила,
Не сусек хлеба повыела!
(Колпакова № 2: 19-29);

Я не че тебе да не поделала,
Не сундук платья у тя поносила,
Я не сусек хлеба у тя повыела,
Не протоптала
я твои ***желты полы,***
Не прогнула я да твои ***лавицы,***
Не отцекла я да твою
буйну голову,
Не окупила я да худу славушку»
(СыктГУ РФ 03-VII-21: 9-15);
«…Я не сусек хлеба
у тебя сповыела,
Не сундук платья
у тебя износила,
Я не ***лавочку*** у тебя просидела
(СыктГУ 0353-28: 12-15).

В мотиве сетования, заключительном моменте причитания, внимание акцентируется на том, что невеста не причинила ущерба родительскому дому и не заслуживает того, чтобы отец отдал ее в новый дом. Кроме того, Т.И. Дронова отметила, что если к 20-ти годам у девушки не было пары, то общественное мнение начинало считать ее года, которые назывались лавками, каждый год засчитывался как «просиженная лавка»[19], которая является устойчивым элементом данного мотива. С другой стороны, плач наполнен символическими образами-ситуациями – сидением на лавице, глядением в окно, которые Г.И. Мальцев относит к формулам, характерным для «женских» текстов[20]. В тексте плача мы

[19] Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы. С. 227-228.

[20] Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989. С. 120-121.

видим описание только «женского», домашнего, пространства. С.Е. Никитина и Е.Ю. Кукушкина также отметили, что в свадебных причитаниях для невесты лавочка и место у окошечка являются типичными локусами[21].

В исследуемых текстах разной направленности мотив сетования невесты является завершающим моментом причитаний. Однако во всех текстах мотив сетования содержит такие номинации предметов интерьера, как лавицы и полы; данные объекты могут выступать как в парной формуле, так и по отдельности.

Из представленного примера мы видим, что текст комментирует действия отца невесты, когда коммуникация является акциональной. В обращенном к отцу или матери мотиве сетования невесты на раннее замужество, встречающемся в плачах разной приуроченности, центральное место занимают образы, моделирующие «девичье» домашнее пространство: окошечки, брусовые лавочки, белые полы, пороги.

Изобилуют номинациями, относящимися к тематическому полю «Жилище», и «банные» тексты свадебных причитаний, которые сопровождают заключительный этап отделения невесты от семьи – посещение бани. Так, например, описывается приход подружек в родительский дом невесты перед баней:

Станем мы да во ***новы сени,***
Во ***новы сени*** да во ***холонные,***
На гладки полы да на ***еловые,***
На часты мелки да перекладинки,
Мы отворим ***двери*** да на пяту,
Мы поставим да ***двери*** на крюки,
На те крюки да на железные,
Наперед ступаем да ногой правою…
(девушки входят в избу)
Позади ступаем да ногой левою
(Колпакова № 5: 1-10).

Текст выполняет комментирующую функцию, так как в нем описывается путь девушек к подруге-невесте. Большое внимание

[21] Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах. С. 16.

уделяется пограничным объектам: сеням, полам, перекладинкам, дверям. Данный текст тесно связан с ритуалом, и все объекты появляются в нем в момент их преодоления.

Границы имеют большое значение в ритуалах перехода, они нарочито подчеркиваются в текстах, сопровождающих данные обряды[22]. В причете – ответе невесты на приглашение ее в баню – она просит открыть двери, реально и символически обозначая выход/переход из домашнего локуса:

Дайте мне пути-дороженьки.
Отворите-ко ***двери заперты,***
Спустите меня да в парну баенку
(СыктГУ 0394-15: 1-3).

Значимым свадебным ритуалом является расплетение косы невесты. Оно осуществлялось крестной матерью, где каждое действие она комментировала в плаче[23]. Ритуал расплетения косы относится к банному обряду, который проводился после приезда свадебного поезда. Косу невесте расплетали обычно непосредственно перед отправлением в баню (иногда – в самой бане)[24]. К данному этапу относится текст, записанный в 1978 г.:

Я стою, бедна, да у ***жáркой пéчи,***
Да ***у жаркой печи*** да у ***кирпичатой,***
На ***желты́х полáх*** да на ***елóвых,***
На тонких мелких да перекладиных.
Разодвиньтесь-ко, да люди добрые,
Уж и дайте мне пути-дороженьки
Ко невестушке да зарученной,
Ко княгинюшке да ко слезённой,

[22] См. например: Канева Т.С. «Банные» причитания усть-цилемской свадьбы в севернорусском контексте // Народная культура в слове и тексте: сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 97.

[23] См.: Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы. С. 236; Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы. С. 35-36.

[24] См. об этом: Канева Т.С. К вопросу о соотношении обрядового и поэтического текстов в традиции (заручение в усть-цилемской свадьбе) // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 64-65.

Росплести у (ей) да трубчату косу
(МГУ 1978, т. 92, с.2519-2520, № 115: 1-9).

Как видим, крестная движется от печи, которая символизирует в народном сознании женский генеративный орган[25], таким образом, подчеркивается отделение невесты от материнского начала, от прежней семьи. Отметим, что движение крестной матери снова показывается через описание полов.

В других вариантах плача нам встретился тот же набор ритуально значимых объектов тематического поля «Жилище» (печь, пол), что и в приведенном выше примере:

От ***жаркой печи***
да от ***кирпишенной,***
По ***гладким полам***
да по ***еловым***,
По тонким-легким
да перекладинкам
(СыктГУ 0325-25б: 1-3);

А пойду я, бедна,
от ***жаркой печки***
Бабкой голосите,
По частым мелким
да перекладинками,
По ***чисту полу*** да по ***гладкому,***
По невестушке дак зарученой
(СыктГУ 0387-20, 22: 1-8).

Важный момент свадебного обряда – выдача невесты жениху. После того как невеста была наряжена к венцу, отец невесты за платок выводил дочь из комнаты, где ее оплакивали подруги и крестная. Перед выдачей невесты жениху ее благословляли. Примечательно, что в тексте плача невеста снова сетует на раннее замужество и описывает ритуал сватовства:

А ты, кормилец мой, да стена каменная,
На что же ек на меня прогневалсе?
Уж ты на что же ек на меня обиделсе?
Уж бы не ставал бы ты да на ***гладки полы,***
Уж не ставал бы ты да против **матицы,**
Дак не давал бы ты да ты правóй руки,
А ты правóй руки да людям чужим
(СыктГУ 0368-7,8: 7-14).

[25] Мазалова Н.Е. Человек и дом: тождество русских представлений // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы (Сборник МАЭ, т. LVII) / сост. Л.С. Лаврентьева, Т.Б. Щепанская. СПб., 1999. С. 108.

Как видим из примера, в контексте причитания появляется такой важный образ, как матица[26], под которой совершается рукобитье. В рассматриваемом корпусе произведений он отмечен только в свадебных плачах, причем данная номинация не сопровождается определениями.

Нельзя не заметить, что в свадебных причитаниях описываются действия отца невесты, сватов, крестной матери, подружек невесты, тогда как, по наблюдениям Г.А. Левинтона, невеста отличается «неподвижностью», то есть в тексте отсутствуют сюжетно значимые перемещения, связанные с пересечением границ, то есть ослабляется сюжетность F-текста («женского»), что компенсируется обилием словесных текстов в F-тексте[27]. Наибольшую активность невеста как героиня (персонаж) причета проявляет лишь в одном из печорских плачей – при ее отправлении из дома в баню, при котором она сама просит отворить ей двери родного дома.

Таким образом, рассмотренные свадебные плачи в большинстве своем привязаны к ритуалу и выполняют комментирующую функцию. Причем плачи могут описывать не только действия, которые происходят в настоящее время, но и возвращаться к тем моментам, которые уже произошли. Свадебные причитания включают номинации образов жилища, которые принадлежат женскому пространству (например, печь, лавка, окно), в данных причётах редко встречаются номинации самого жилища.

Связь образов жилища с обрядовыми коммуникациями в несвадебных причитаниях Печоры

В группе несвадебных причитаний описываемый материал представлен преимущественно плачами, сопровождающими погребение и поминовение.

[26] См., например: Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С. 106.

[27] Левинтон Г.А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог). С. 215.

Т.И. Дронова выделяет 3 этапа усть-цилемского погребально-поминального обряда: подготовка к погребению, собственно погребение и годичный цикл поминальных обрядовых действий, начинающийся с первых дней кончины[28].

Усть-цилемские похоронные причитания условно делят на причитания непосредственно похоронной тематики, поминальные причитания и причитания без строгой приуроченности. В погребально-поминальном комплексе они традиционно сопровождали ряд этапов: положение покойного в гроб, вынос из дома, путь на кладбище, захоронение, возвращение похоронной процессии домой, поминальная трапеза. Кроме того, причитания исполнялись в дни поминовения усопшего, а также в календарные поминальные дни[29].

В отдельных текстах адресатами похоронно-поминальной причети становятся те люди, которые изготавливали для покойного гроб. Приведем примеры таких текстов:

Удалы добры молодцы,
Кому да гроб робите,
Это ***вито гнездо,***
Золото кольцо?
(Астахова № 1: 1-4);

Вам спасибо, да удалым молодцам,
Вы моей да лады милоей
Поставили ***нов высок терем,***
Сру́били да ***нову горницу,***
Вы свили ему да **вито́ гнездо,**
Будто ислили да ***золото кольцо***
(Астахова № 3: 1-6).

Как видим, данные плачи обращены к живым людям, однако с помощью этих текстов покойному «сообщается» о его «новом жилище». Заметим, что в первом тексте (Астахова № 1) уже в зачинном фрагменте присутствуют следующие номинации: гроб, вито гнездо, золото кольцо, причем две последние являются метафорическими заменами слова «гроб», однако плакальщица все-таки упомянула прямую номинацию «нового жилища умершего». Во втором тексте (Астахова № 3) также встретились мета-

[28] Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы. С. 107.

[29] Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы. С. 37. См. также: Головачева Л.Д. Погребальный фольклор Усть-Цилемского района Республики Коми : дипломная работа / науч. рук. А.Н. Власов. Сыктывкар: СыктГУ, кафедра русской литературы, 1992.

форические замены, названные выше, в этом тексте гроб назван также и новым высоким теремом, и новой горницей, и витым гнездом, и золотым кольцом.

Следующий текст соотнесен с обрядом положения тела в гроб покойной матери:

Кладём вашу да мать родиму
Во это во ***вито гнездо***
На долги веки да нарушимые,
Оставаютця да дети малые
(Астахова № 2: 1-4).

Гроб («новое жилище» покойного) не называется напрямую, а номинируется посредством традиционной для печорских плачей метафорической замены.

Момент положения тела в гроб отражен и в тексте, приуроченном к поминальному обряду:

Уж потому моя да осердилася,
Потому на меня да прогневилася,
Когда занесли твою да ***нову горницу,***
Повалили тебя да в ***светлу светлицу,***
Не наладила я тебе мягко место,
Не наклала тебе круто зголовьице
(РНБЛ № 35: 61-66).

Здесь гроб также номинируется с помощью метафорических замен: новая горница, светлая светлица. Данные номинации являются, по сути, синонимами в народном сознании, что подтверждает данный плач.

Следующий блок примеров похоронно-поминальных плачей посвящен моменту возвращения домой после похорон:

Мы придём домой да со большим горем,
Во своё-то мы да во ***вито гнездо,***
Во свое-то мы да в ***золото кольцо,***
Уж мы вспомним тут да дорогу матерь,
Уж мы вспомним тут да дорогу жалость
(РНБЛ № 37: 91-95).

Данный плач посвящен умершей матери. Дочь традиционно называет свое жилище «витым гнездом, золотым кольцом».

Другое причитание этого блока адресовано умершей дочери:

Не несут меня да ноги резвые,
Не ведут меня да очи глупые,
Ко своему-то да ко ***виту гнезду,***
Ко своему-то да к ***золоту кольцу.***
Уж ты ***зла хата*** моя ***уживчата,***
Ты ***уживчата*** да ***не разживчата,***
Ты повыжила мою да лебедь белую
(РНБЛ № 38: 2-8).

Вопленица для номинации своего жилища также использует формулу «витое гнездо, золотое кольцо». Интересно, что определительные сочетания «злая уживчатая разживчатая хата», относящееся к дому после смерти дочери, в тексте плача указывает на то, что само жилище стало причиной смерти покойной.

В контексте представленного ниже плача мы видим обращение вдовы к покойному мужу, которое исполняется над могилой:

А ты воосстань-косе, да ладо милоё,
А ты восстань-ко, мой, на резвы́ ноги́,
Потолкуем со мной, побеседуе<м>,
А посидим со мной, а посоветуем,
А ты пойдём со мной да во ***вито́ гнездо́,***
А посмотри своих да дете́й ма́лыих
(Астахова № 26: 14-19).

В тексте сочетание «вито гнездо» служит для номинации дома вдовы. Коммуникация в данном случае устанавливается с «тем» светом, так как вдова зовет мужа в дом, в котором он жил до смерти, чтобы посмотреть на детей и помочь по хозяйству.

Часто в похоронно-поминальных причитаниях, не приуроченных к конкретному ритуалу, в связи с описанием жизни живых людей встречаются образы, принадлежащие тематическому полю «Жилище»:

Я сижу, бедна, да горе серое,
Я одна сижу да одинёхонька
Во своей-то да ***злой хоромине,***
На ***брусчатой*** да ***гладкой лавочке,***
Я смотрю, бедна, горе злосчастная,
Во ***окошечко*** да во ***косящато***
(РНБЛ № 51: 1-6).

Текст данного плача посвящен погибшим сыновьям-фронтовикам. Примечательно, что номинация жилища, которое осталось без своих хозяев, входит в состав сочетания с эпитетом, имеющим отрицательную коннотацию (например, «выживчивое злосчастное гнездо», «злая лихая хата», «лихая хоромина»). В контексте плача также прослеживается формула сидения на лавке возле окна, в свадебных плачах она соответствует выражению нормативного состояния невесты (ее пространство – от окна до порога), в похоронно-поминальных и бытовых она помещается в контекст ситуации утраченных коммуникаций вследствие потери близких, связана с выражением одиночества:

Уж я села нынь, бедна, на ***лавочку,***
Я на лавочку да на ***брусовую***
(РНБЛ № 40: 3-4).

Предметы интерьера появляются в тексте похоронно-поминальных плачей в связи с описанием жилища. Элементами дома живых, каким он предстает в плачах, являются двери, окна, полы, лавицы, столы, печь, однако на наличии всех этих объектов в обычном доме внимание в причётах не акцентируется, тогда как при описании «дома» умершего (гроба) отсутствие данных элементов нарочито подчеркивается. Например, дом без окон и без дверей воспринимается как неправильный, но для мира мертвых именно такой дом считается нормальным:

А тебе построили дак ***нову*** ведь ***горницу,***
Нову горницю а без дверей тебе,
Без ***дверей*** тебе, моя, да без ***окошечек***
(СыктГУ 0323-50: 9, 10).

А.К. Байбурин указывает на то, что «наличие входа и выхода – необходимое условие для сохранения домом своего статуса[30] (ср. не дом: гроб – дом, из которого нельзя выйти)»:

Сробили тебе да ***нову горницу,***
Без ***дверей*** тебе да без ***ходячих***
(МГУ 1980, т. 11, с. 5467, № 333: 2).

Т.В. Цивьян отмечает, что дом ограничивает жилое пространство людей от «чужого» и опасного пространства, но в нем всё же должны быть каналы связи с внешним миром. «Укрытие», «отгороженность» от макрокосмоса предполагает герметичность микрокосмоса/дома. Однако необходимое условие жизни человека – контакты с внешним миром, и в доме, следовательно, должно быть отверстие для входа и выхода[31]. Абсолютно герметичный дом является «неправильным», поскольку из него нет выхода: это гроб, могила[32]. В причитаниях делается акцент на невозможность коммуникаций с внешним миром у нового дома умершего человека, тем самым подчеркивается его принадлежность иному миру.

Неотъемлемой частью интерьера жилой избы является мебель, но в «жилище» умершего предметов интерьера быть не может, именно поэтому в причитаниях подчеркивается отсутствие столов и стульев в «новом доме» покойного:

Там стола верно нет ***дубового,***
Стульев нету ***перловых***
(РНБЛ № 17: 148).

Также одним из наиболее значимых элементов жилища является печь, наличие или отсутствие ее определяло статус постройки (дом без печи – нежилой дом). В исследуемых причита-

[30] Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С. 21.

[31] Цивьян Т.В. Архетипический образ дома // Традиционная культура: научный альманах. 2011. № 2. С. 2.

[32] Югай Е.Ф. Образ дома в похоронно-поминальных причитаниях Вологодской области (оппозиция жизнь-смерть) // От конгресса к конгрессу. Материалы второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Т. 4. М., 2012. С. 178.

ниях в «жилище» умерших печи нет, именно поэтому становится понятно, что речь идет не об обычном доме:

Мы построили тебе нову ***горенку,***
Без ***дверей*** только да без ***окошечек,***
Без ***жаркой печи*** да без ***кирпищатой***
(РНБЛ № 6: 45).

Биографические и воинские причитания в анализируемом материале представлены довольно скромно, ввиду этого в данных причитаниях выявлено всего 7 номинаций (28 употреблений), относящихся к тематическому полю «Жилище». Наибольшее количество употреблений относится к метафоре «дом-гнездо», которая в печорской причети носит универсальный характер, в том числе в биографических и воинских плачах. К редким и единичным употреблениям относятся номинации «дом», «лавица», «стол», «окошечко» и «стекло».

Похоронно-поминальные плачи направлены на коммуникации между миром живых и миром мертвых, на ограждение людей от возможного негативного влияния покойных. Данные причёты включают большое количество риторических обращений и риторических вопросов, так как адресат причитающих – неживой человек.

Свадебные плачи направлены на коммуникацию между невестой и ее родственниками, сватами и т.д., и комментирование происходящего, в этом виде причитаний большая роль отводится границам в момент их преодоления, поэтому чаще всего в таких текстах мы встречаем номинации границ (например, порог, матица), входов/выходов (например, окно, дверь). Кроме того, практически все описываемое в свадебных причитаниях пространство относится к «женскому» внутреннему безопасному пространству дома. В отдельных текстах мы встречаем формулу «женского» сидения на лавке у окна.

В плачах номинации жилища актуализируются, если имеют реальное или символическое значение для коммуникации в данный момент. Если говорить о свадебных причитаниях, то чаще всего границы или объекты актуализируются в тексте, как

только они начинают фигурировать в обряде (например, стол в ритуале рукобитья). Символический план девичьего (домашнего) пространства создается, в первую очередь, за счет мотива сидения на лавке. В текстах несвадебных плачей образы жилища выявлены в связи с описанием дома живых или «нового дома» умершего (гроба).

В причитаниях сам текст зачастую отражает обрядовую коммуникацию. В основном такая коммуникация находит воплощение в свадебных плачах, например в тексте рукобитья, когда невеста описывает действия отца, мы видим те объекты, которые «участвуют» в обрядовом действии (например, пол, стол, столешенка). Универсальным является мотив сетования невесты на раннее замужество. В данном мотиве невеста оправдывается тем, что не причинила ущерба внутреннему пространству дома (не протоптала полы и пороги, не просидела лавки, не проглядела окна), с другой стороны, номинация «лавки» связана с абстрактным понятием времени пребывания в девичестве (1 год – лавка).

Определенные различия в свадебных и несвадебных причитаниях можно наблюдать в наборе объектов, связанных с жилищем. В свадебных, «женских», причётах описывается по большей части внутреннее пространство дома, тогда как несвадебные причитания содержат и описание внешнего мира и соответственно относящихся к нему образов, например, это номинации самих строений: хата, хоромина, дом, изба, терем. Меньшее внимание в данном типе плачей уделено пограничным объектам (дверям, окнам, полам), в свадебных же причитаниях эти объекты играют ведущую роль и обладают большей частотностью.

Общими образами, встретившимися и в свадебных, и в несвадебных причитаниях (кроме своего рода универсальной формулы-метафоры «дом – гнездо, кольцо»), являются печь, лавица, стол и окошечко. Если в свадебных плачах лавица и окошечко выступают в контексте формулы, обозначающей девичество, то в похоронно-поминальных и бытовых данные объекты включаются в символы одиночества. Стол в контексте свадьбы выполняет роль престола при рукобитье, в остальных видах плачей он

возникает при описании «нового жилища» умершего (гроба), где делается акцент на отсутствии данного объекта. Печь также относится к тем объектам, наличие которых в доме живых обязательно, тогда как в гробу его быть не может. С.Е. Никитина и Е.Ю. Кукушкина обратили внимание на то, что свадебные и похоронно-поминальные причитания образуют разные «картинки» мира при общей модели мира[33].

Более полная характеристика образов жилища в причитаниях Печоры возможна при дальнейшем их сопоставлении с причитаниями других севернорусских традиций.

Сокращения

Астахова	Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А.М. Астаховой) / публ. и коммен. Т.С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 109-146.
БП	Былины Печоры. Свод русского фольклора: в 25 т. / под ред. А.А. Горелова. Т. 1-2. СПб., 2001.
Колпакова	Колпакова Н.П. Свадебный обряд на Севере (машинопись диссертации): Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кол.165, п.25, л. 144-158.
Леонтьев	Леонтьев Н.П. Печорские былины и песни. Архангельск, 1979.
ЛРС	Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973.
МГУ	Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1978 г., 1980 г.)
ПП	Песни Печоры / изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963.
РНБЛ	Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942-1945 гг. / вступ.ст. и коммент. В.Г. Базанова. М.; Л., 1962.

[33] Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). С. 21.

СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета: Усть-Цилемское собрание (записи 1986-2000-х гг.)

Источники

Архивные источники

Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1978 г., 1980 г.).

Колпакова Н.П. Свадебный обряд на Севере (машинопись диссертации): Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кол.165, п.25, л. 144-158.

Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета: Усть-Цилемское собрание (записи 1986-2000-х гг.).

Опубликованные источники

Леонтьев Н.П. Печорские былины и песни. Архангельск, 1979. № 34-58.

Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973. № 427, 442, 448. 461, 462. 463, 464, 489, 498, 500.

Песни Печоры / изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М., Л., 1963. № 129-130.

Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А.М. Астаховой) / публ. и коммент. Т.С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 109-146.

Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942-1945 гг. / вступ. ст. и коммент. В.Г. Базанова. М.; Л., 1962. Раздел I. Печора.

Приложение 1

Жилище в причитаниях Печоры:
алфавитный указатель слов и относящихся к ним определений

Ключевое слово/ определение (количество употреблений)	СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ	ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ	ДРУГИЕ ПРИЧИТАНИЯ
1	**2**	**3**	**4**
ГНЕЗДО (1) (МЗ[1] «дом»)		РНБЛ с. 45 № 35: 84	
Витое (41)	Леонтьев № 58: 3 ПП № 129: 5 СыктГУ 0371-20, 23: 8 0371-43: 6 0371-23: 8	Астахова № 1: 3 № 2: 2 № 3: 5 № 14: 5 № 15: 26 № 26: 16 РНБЛ с. 59. № 4: 57 с. 85. № 16: 29 с. 88-90. № 17: 58, 65, 125 с. 91. № 18: 6 с. 102. № 20: 59 с. 111. № 25: 68 с. 139. № 37: 92 с. 142. № 38: 4	РНБЛ с. 45-48. № 1: 7, 125, 127 с. 121. № 29: 2 с. 131. № 35: 16 с. 148. № 39: 132 с. 159. № 40: 341 с. 162-163. № 42: 16, 25, 92 с. 168. № 43: 149

[1] Метафорическая замена

Продолжение таблицы

1	2	3	4
		с. 207. № 61: 38 с. 214. № 65: 55 МГУ 1980, т. 6. с. 4784-4785. № 76: 4 СыктГУ 0301-14: 41 0303-13: 20 0309-12: 10 0342-43: 12 03103-18: 8 03188-2: 8	
Витое новое (1)		СыктГУ 0301-14: 42	
Витое новое выживчивое злосчастное (1)		СыктГУ 0301-14: 43-44	
44	5	28	11
ГОРНИЦА (-Ы) (1)		РНБЛ с. 143. № 38: 40	
Новая (11)	Леонтьев № 44: 22	Астахова № 3: 4 № 24: 4 РНБЛ с. 60. № 4: 134 с. 64. № 6: 43 с. 131-132. № 35: 18, 63 с. 1643. № 38: 37	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Светлая (3)		с. 190. № 54: 23 МГУ 1980, т. 11. с. 5467. № 333: 1 СыктГУ 0323-50: 8 СыктГУ 0303-13: 21 03188-2: 11 03348-6: 6	
Сосновая (1)		МГУ 1980, т. 24. с. 7054. № 95: 18	
Столовые новые (1)	Леонтьев № 40: 40		
17	2	15	0
ДВЕРИ (17)	Колпакова 1929 № 5: 5, 6 Леонтьев № 52: 6 ПП № 129: 8 МГУ 1978, т. 92. с. 2518. № 110: 1 СыктГУ 03103-4: 1 0390-2г: 2 0322-10: 1 0370-79: 1	Астахова № 24: 6 РНБЛ с. 64. № 6: 44 МГУ 1980, т. 24. с. 7054. № 95: 19 СыктГУ 0323-50: 9	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
	СыктГУ РФ 03-VII-19: 2 03-VII-3: 3 03-I-23: 1 03-VII-3: 3		
Ходячие (2)		РНБЛ с. 131. № 35: 20 МГУ 1980, т. 11. с. 5467. № 333: 2	
Запертые (1)	СыктГУ 0394-15: 1		
Широкие (1)			РНБЛ с. 67. № 7: 111
21	14	6	1
ДОМ (-А) (8)	0327-5: 11	Астахова № 2: 42 № 14: 4 РНБЛ с. 65. № 7: 29, 30 с. 139. № 37: 91 СыктГУ ВФ 0321-03: 11	РНБЛ с. 46. № 1: 63
Большие (1)		МГУ 1980, т. 9. с. 5157-5158. № 159: 13	
Большие казенные (1)		МГУ 1980, т. 9. с. 5157-5158. № 159: 14	
Дощатый (1)		СыктГУ 03348-5: 2	
Невеселый (1)		Астахова № 2: 52	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Новый (1)		СыктГУ 03171-21: 22	
Родительский (2)	СыктГУ РФ 03-XII-3а. № 4: 3 03-XII-3а. № 24: 3		
15	3	11	1
ИЗБА (1)		РНБЛ с. 85. № 16: 28	
Полная (2)		РНБЛ с. 91. № 18: 17 Леонтьев № 35: 4	
Старая (1)		МГУ 1980, т. 5. с. 4676-4677: 41	
Старая хибарочная (1)		МГУ 1980, т. 5. с. 4676-4677: 42	
5	0	5	0
КВАРТИРА добрая (1)		СыктГУ 0301-14, 24-23: 52	
1	0	1	0
КОЛЬЦО (МЗ[1] «дом») (золотое) (19)		Астахова № 1: 4	РНБЛ с. 45, 47 № 1: 8, 125 с. 150, 158 № 40: 240, 342

[1] Метафорическая замена

Продолжение таблицы

1	2	3	4
		РНБЛ с. 90 № 17: 126 с. 98 № 20: 81 с. 121 № 29: 3 с. 139, 140 № 37: 93, 117 с. 142 № 38: 5 с. 198 № 57: 65 МГУ 1980, т. 6. с. 4784-4785. № 76: 5 т. 11. с. 5401-5402. № 153: 3 СыктГУ 03188-2: 9	с. 162 № 42: 17 с. 219 № 66: 68, 72 с. 131 № 35: 17
19	0	11	8
КОМНАТА (1)		РНБЛ с. 112. № 25: 74	
1	0	1	0
КРОВАТЬ тесовая (1)	СыктГУ 0719-55: 12		
1	1	0	0
КРЫЛЬЦО витое (1)		РНБЛ с. 207. № 61: 39	
Крутое (4)	ПП № 129: 6	Астахова № 13: 6 РНБЛ с. 111-112. № 25: 70, 91	
5	1	4	0

Продолжение таблицы

1	2	3	4
ЛАВИЦА (7)	Леонтьев № 40: 24 № 42: 27 ПП № 130: 8 СыктГУ 03103-1: 22 СыктГУ РФ 03-VII-21: 13		РНБЛ с. 150-159. № 40: 3, 342
Белая (1)	МГУ 1980, т. 1. с. 4280. № 293: 2		
Белая брусовая (1)		РНБЛ с. 84. № 15: 74	
Брусчатая (6)	ЛРС № 427: 2 СыктГУ 0323-44: 11	РНБЛ с. 90. № 17: 132 с. 186. № 51: 4	РНБЛ с. 151. № 40: 4 с. 168. № 43: 150
15	8	3	4
ЛЕСЕНКА (1)	Леонтьев № 40: 19		
1	1	0	0
МАТИЦА (4)	Леонтьев № 40: 22 СыктГУ 0323-44: 5 0368-7,8: 12, 13		
4	4	0	0

Продолжение таблицы

1	2	3	4
ОКОШЕЧКО (9)	ЛРС № 427: 23	Астахова № 24: 6 РНБЛ с. 64. № 6: 44 с. 131. № 35: 19 МГУ 1980, т. 17. с. 6031. № 499: 1 т. 24. с. 7054. № 95: 19 СыктГУ 0323-50: 10 03171-21: 23 03348-5: 3	
Косявчатое (10)		Астахова № 24: 7 РНБЛ с. 65. № 8: 48 с. 84. № 15: 75 с. 90. № 17: 133 с. 112. № 25: 76, 81 с. 186. № 51: 6 МГУ 1980, т. 17. с. 6031. № 499: 2	РНБЛ с. 151. № 40: 5 с. 168. № 43: 151
Светлое (2)	Леонтьев № 42: 28	СыктГУ 03348-6: 8	
Стекольчатые (1)		МГУ 1980, т. 11. с. 5467. № 333: 3	
22	2	18	2

Продолжение таблицы

1	2	3	4
ПЕЧЬ (1)	Леонтьев № 44: 1		
Жаркая (5)	СыктГУ 0353-28: 6 0387-20, 22: 2 СыктГУ РФ 03-IV-65: 2 МГУ 1978, т. 92. с. 2519. № 115: 1	Астахова № 2: 20	
Жаркая кирпичная (7)	МГУ 1978, т. 92. с. 2519. № 112: 1 т. 92. с. 2519. № 115: 2 МГУ 1980, т. 6. с. 4768. № 35: 2 т. 19. с. 6318. № 30: 2 СыктГУ 0325-256: 1 СыктГУ РФ 03-VII-20: 1	РНБЛ с. 64. № 6: 45	
Жаркая раскаленная (1)	МГУ 1980, т. 6. с. 4768. № 35: 3		
Холодная (1)		Леонтьев № 34: 33	
15	12	3	0
ПОЛЫ (2)	Леонтьев № 42: 12 СыктГУ 0323-44: 6		
Белые (1)	ЛРС № 427: 24		
Белые еловые (1)	ЛРС № 427: 25		

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Гладкие (8)	ПП № 130: 7 МГУ 1980, т. 9. с. 5158. № 160: 3 т. 9. с. 5179. № 200: 6 СыктГУ 0368-7,8: 11, 12 РФ 03-I-25: 3 0370-79: 3	РНБЛ с. 90. № 17: 128	
Гладкие еловые (7)	Колпакова. 1929 № 5: 3 МГУ 1978, т. 91. с. 2334. № 47: 2 МГУ 1980, т. 9. с. 5179. № 200: 7 т. 19. с. 6318. № 30: 3 СыктГУ РФ 03-I-25: 4 0325-25б: 2	РНБЛ с. 90. № 17: 129	
Гладкие сосновые (1)	Леонтьев № 47: 46		
Дубовые (2)	СыктГУ 0353-28: 9	СыктГУ 03348-6: 5	
Еловые (2)	СыктГУ 0390-2а, 2б: 1 0370-79: 4		
Желтые (3)	СыктГУ 03103-1: 21 СыктГУ РФ 03-VII- 21: 12		

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Желтые еловые (2)	МГУ 1978, т. 92. с. 2519. № 115: 3 СыктГУ РФ 03-VII-20: 2		
29	26	3	0
ПОРОГИ (2)	Леонтьев № 42: 29 ЛРС № 427: 25		
2	2	0	0
СВЕТЛИЦА светлая (12)	Леонтьев № 40: 21, 39 № 44: 23 № 50: 17	Астахова № 15: 28 № 24: 5 РНБЛ с. 60. № 4: 135 с. 132. № 35: 64 с. 143. № 38: 38, 41 с. 190. № 54: 24 СыктГУ 03188-2: 10	
12	4	8	0
СЕНИ белые (1)	Леонтьев № 40: 20		
Новые (5)	Колпакова. 1929 № 5: 1 Леонтьев № 52: 1 ПП № 129: 10 МГУ 1978, т. 91. с. 2333-2334. № 47: 1, 2		

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Новые белые (1)	Леонтьев № 40: 26		
Новые холодные (2)	Колпакова. 1929 № 5: 2 Леонтьев № 52: 2		
9	9	0	0
СТЕКЛО заморское (1)			РНБЛ с. 151. № 40: 6
Косявчатое (1)		РНБЛ с. 84. № 15: 84	
Немецкое (4)	ПП № 130: 9	РНБЛ с. 65. № 8: 49 с. 112. № 25: 82 МГУ 1980, т. 17. с. 6031. № 499: 3	
6	1	4	1
СТОЛ (4)	Леонтьев № 50: 28 МГУ 1978, т. 91. с. 2333. № 46: 3	РНБЛ с. 106. № 24: 53	РНБЛ с. 46. № 1: 54
Дубовый (6)	Леонтьев № 40: 43 № 41: 2 № 47: 48 ЛРС № 427: 14 СыктГУ РФ 03-I-25: 6	РНБЛ с. 90. № 17: 148	
Сытый (1)		РНБЛ с. 193. № 56: 25	
11	7	3	0

Продолжение таблицы

1	2	3	4
СТОЛЕШЕНКИ кедровые (1)	Леонтьев № 47: 47		
Шатровые (1)	ЛРС № 427: 15		
2	2	0	0
СТУЛЬЯ перловые (1)		РНБЛ с. 90. № 17: 149	
1	0	1	0
ТЕРЕМ (2)	СыктГУ 0724-25: 10	СыктГУ 03348-6: 7	
Высокий (1)		РНБЛ с. 92. № 19: 92	
Высокий новый (2)	Леонтьев № 40: 17	Астахова № 3: 3	
Новый (1)		МГУ 1980, т. 9. с. 5167. № 182: 31	
Стоящий (1)	МГУ 1980, т. 9. с. 5179. № 200: 5		
7	3	4	3
ХАТА горькая погромленная (1)		Леонтьев № 34: 31,32	
Жилая (1)		СыктГУ 0331-21: 11	
Злая лихая (1)		РНБЛ с. 137. № 37: 9	

Окончание таблицы

1	2	3	4
Злая лихая уживчивая не разживчивая (2)		РНБЛ с. 142. № 38: 6-7 с. 214. № 65: 53-54	
5	0	5	0
ХОРОМИНА (1)		МГУ 1980, т. 6. с. 4784-4785. № 76: 7	
Высокая (1)	ЛРС № 498: 4		
Злая (2)		РНБЛ с. 186. № 51: 3 с. 214. № 65: 56	
Злая лихая (2)		РНБЛ с. 90. № 17: 127 с. 101. № 20: 195	
Лихая (1)		МГУ 1980, т. 6. с. 4784-4785. № 76: 6	
7	1	6	0
275	108	136	31

Приложение 2

Жилище в печорских причитаниях:
частотно-тематический пожанровый перечень номинаций

	Свадебные причитания		**Похоронно-поминальные причитания**		**Другие причитания**		**Всего употреблений**
ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙ-КИ	гнездо (МЗ[1] «дом»)	5	гнездо (МЗ «дом»)	27	гнездо (МЗ «дом»)	11	**43**
	дом	3	дом	8	дом	1	**12**
			изба	5			**5**
			квартира	1			**1**
			кольцо (МЗ «дом»)	10	кольцо (МЗ «дом»)	8	**18**
	терем	3	терем	3			**6**
			хата	5			**5**
	хоромина	1	хоромина	6			**7**
	4 объекта		**8 объектов**		**3 объекта**		

[1] Метафорическая замена

	Свадебные причитания		Похоронно-поминальные причитания		Другие причитания		Всего употреблений
ЧАСТИ ЖИЛИЩА	горница	2	горница	13			**15**
			комната	1			**1**
	светлица	4	светлица	7			**11**
	сени	9					**9**
	3 объекта		**3 объекта**		**0 объектов**		
ПРЕДМЕТЫ ИНТЕРЬЕРА	кровать	1					**1**
	лавица	8	лавица	3	лавица	4	**15**
	печь	12	печь	3			**15**
	стол	7	стол	3	стол	1	**11**
	столешенки	2					**2**
			стулья	1			**1**
	5 объектов		**4 объекта**		**2 объекта**		

	Свадебные причитания		Похоронно-поминальные причитания		Другие причитания		Всего употреблений
ГРАНИЦЫ, ВХОДЫ/ ВЫХОДЫ							
	двери	14	двери	7			**21**
	крыльцо	1	крыльцо	4			**5**
	лесенка	1					**1**
	матица	4					**4**
	окошечко	2	окошечко	15	окошечко	2	**19**
	стекло	1	стекло	4	стекло	1	**6**
	полы	26	полы	2			**28**
	пороги	2					**2**
	8 объектов		**5 объектов**		**2 объекта**		**275**

СОКРАЩЕНИЯ

КФАН СССР – Коми филиал Академии наук СССР, г. Сыктывкар

МАЭ СыктГУ – Музей археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета

НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар

ПМА – полевые материалы автора

ФА СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутырева (Истомина) Анна Валерьевна – выпускница кафедры истории России и зарубежных стран специальности «История» 2013 г., науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент Т.И. Чудова.

Колегов Александр Александрович – выпускник кафедры истории России и зарубежных стран специальности «История» 2007 г., науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент Т.И. Чудова.

Немчинов Сергей Васильевич – выпускник кафедры истории России и зарубежных стран направления «История» 2014 г., науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент Т.И. Чудова.

Плехов Алексей Анатольевич – выпускник кафедры истории России и зарубежных стран специальности «История» 2009 г., науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент Т.И. Чудова.

Худин Евгений Анатольевич – выпускник кафедры истории России и зарубежных стран специальности «История» 2014 г., науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент Т.И. Чудова.

Максимова Евгения Олеговна – выпускница кафедры русской и общей филологии по направлению «Филология» (магистерская программа «Теория и практика коммуникации») 2014 г., науч. рук. – кандидат филологических наук, доцент Т.С. Канева.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3

Худин Е.А.
Планировочная структура поселений Локчимского этнографического микрорайона 6

Немчинов С. В.
Топография поселений ижемского Припечорья 23

Плехов А.А.
Типология жилых и хозяйственных построек летского этнографического микрорайона 37

Колегов А.А.
Символика строительной обрядности сысольских коми (на примере села Куратово Сысольского района Республики Коми)....60

Бутырева А.В.
Символика строительной обрядности вашкинских коми 83

Максимова Е.О.
Образы жилища печорских причитаний в контексте обрядовых коммуникаций 97
Приложение 1. Жилище в причитаниях Печоры: алфавитный указатель слов и относящихся к ним определений 118
Приложение 2. Жилище в печорских причитаниях: частотно-тематический пожанровый перечень номинаций 131

Сокращения 134
Сведения об авторах 135

Рис. 1. Сысольско-вычегодский тип дома. Корткеросский район, дер. Конша. Фото Худина Е.А. 2012 г.

Рис. 2. Дом с двумя фасадами. Корткеросский район, дер. Четдино. Фото Худина Е.А. 2012 г.

Рис. 3. Дом-пятистенок. Корткеросский район, дер. Лопыдино. Фото Худина Е.А. 2012 г.

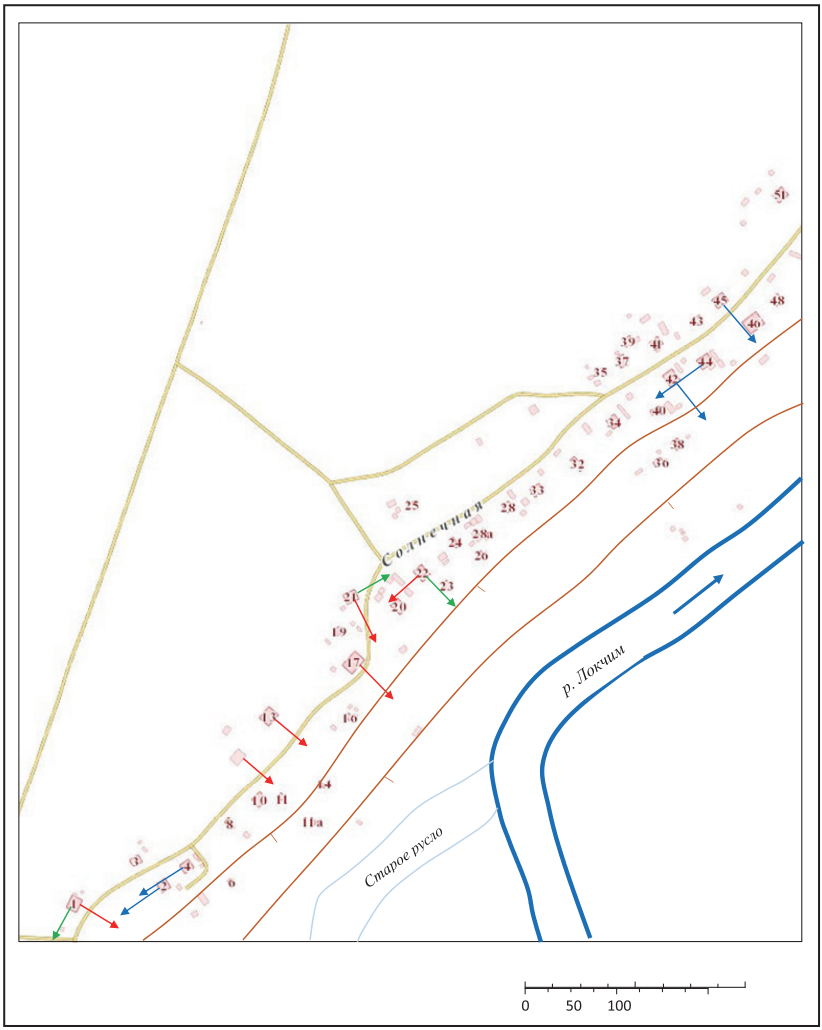

Рис. 4. План дер. Бояркерос, Корткеросский район

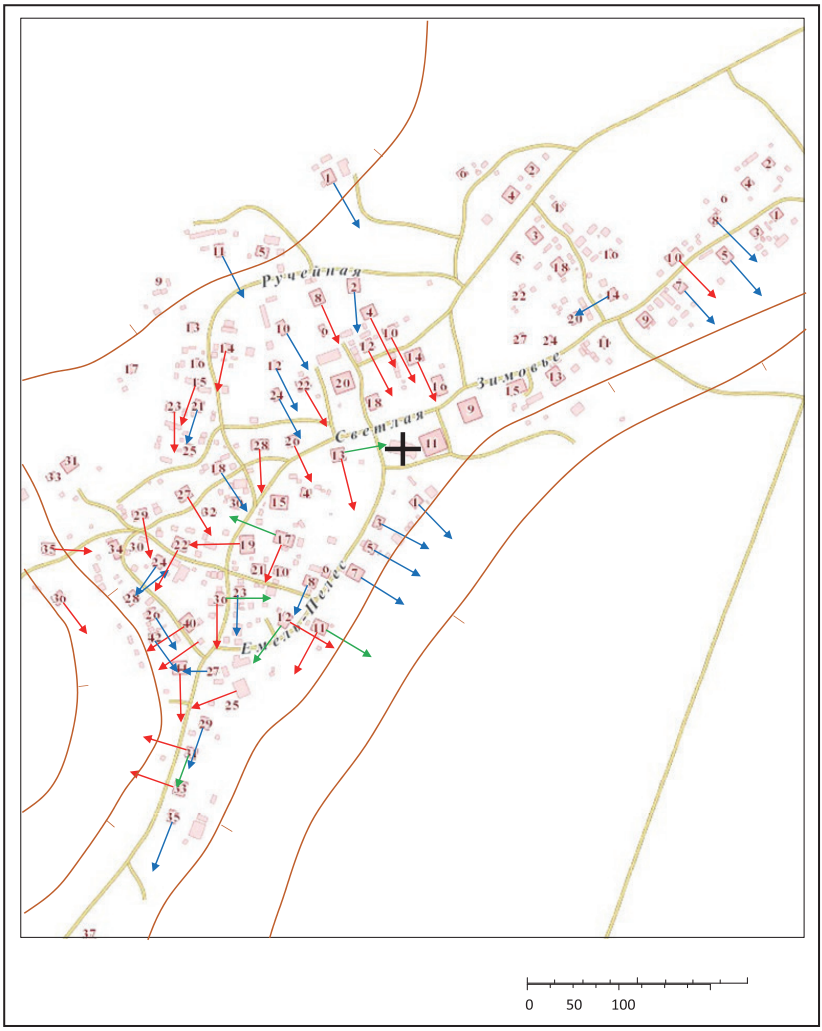

Рис. 5. План с. Поэтыкерес. Корткеросский район

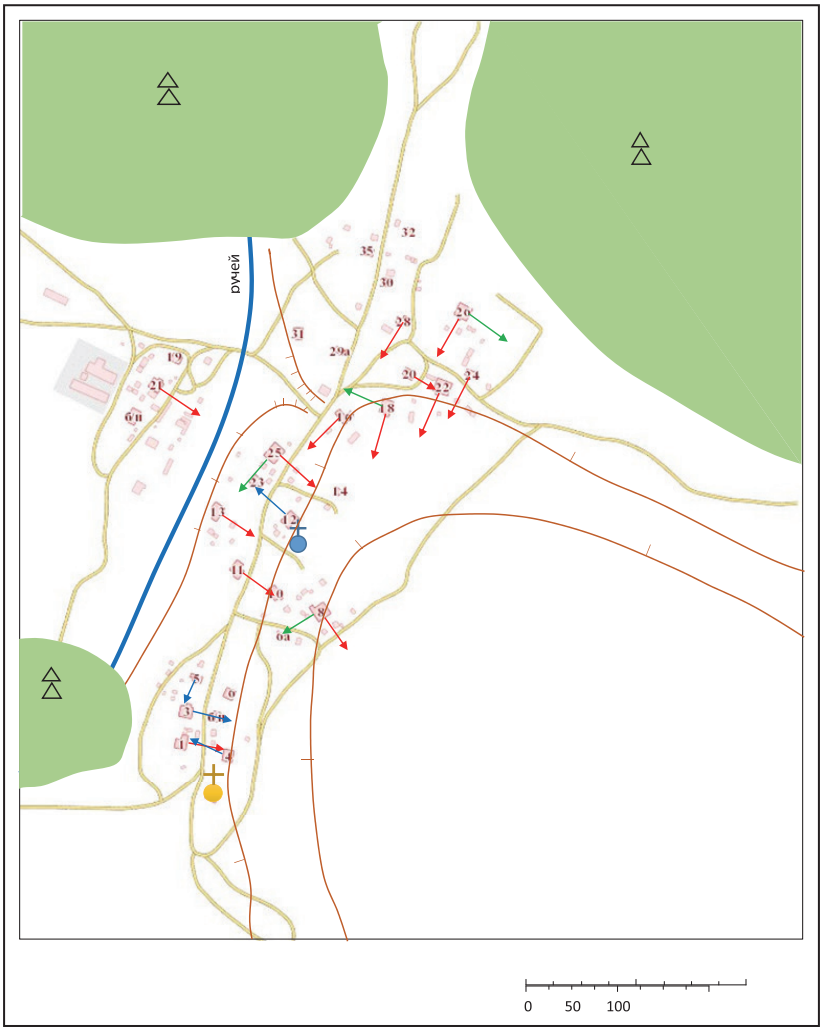

Рис. 6. План дер. Конша. Корткеросский район

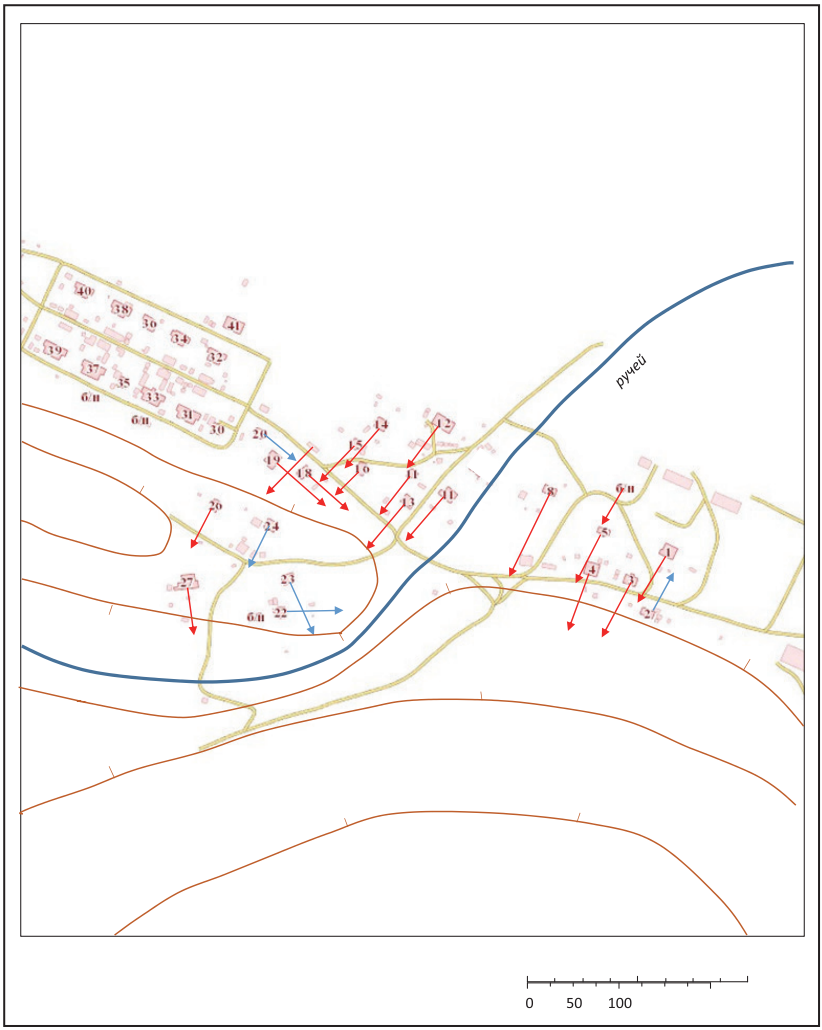

Рис. 7. План дер. Дань. Корткеросский район

Рис. 8. План дер. Четдино. Корткеросский район. Ч. 1

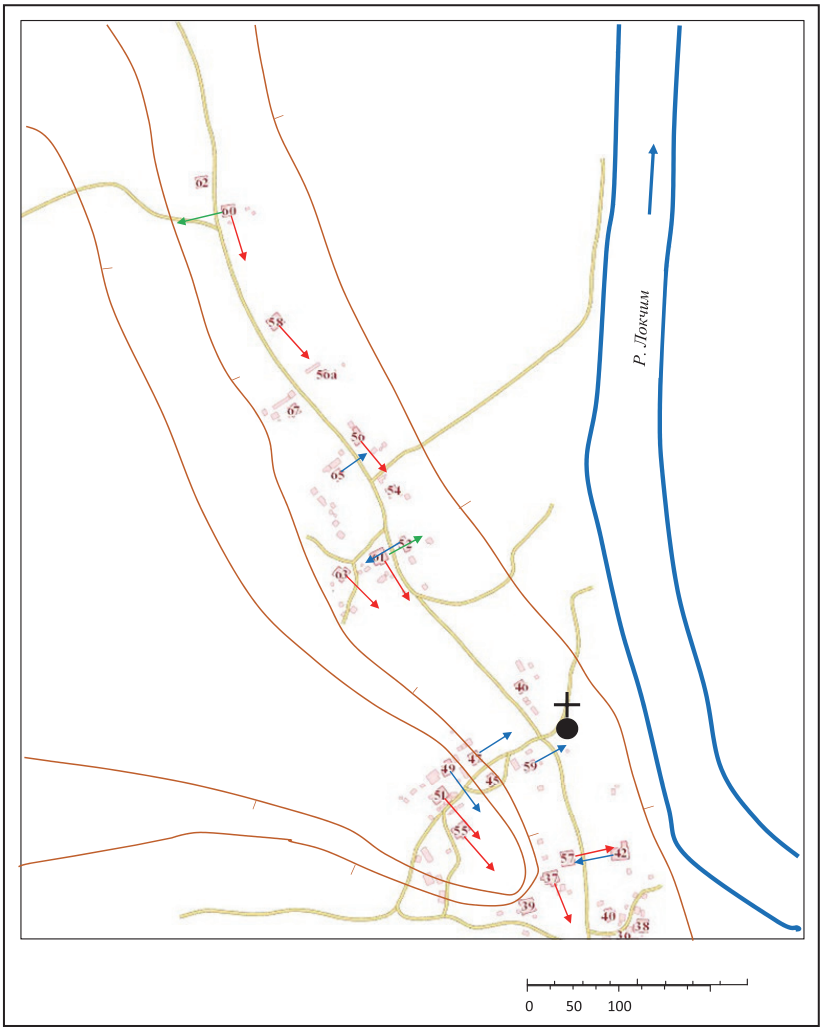

Рис. 9. План дер. Четдино. Корткеросский район. Ч. 2

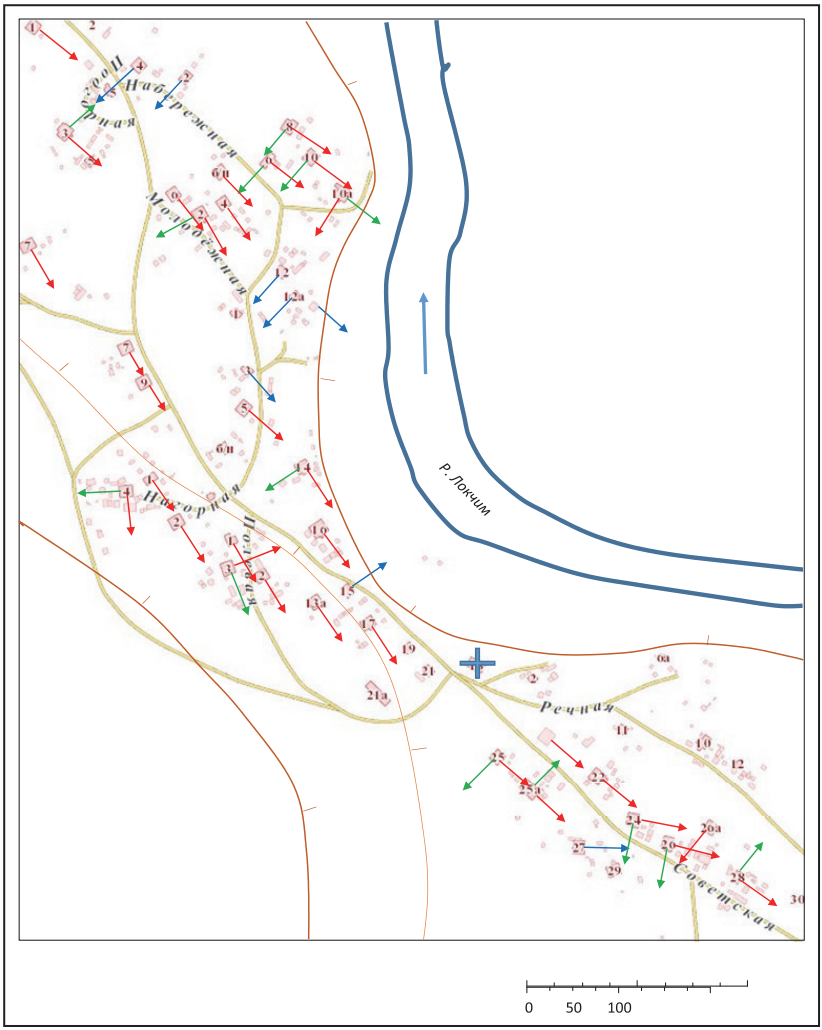

Рис. 10. План дер. Лопыдино. Корткеросский район

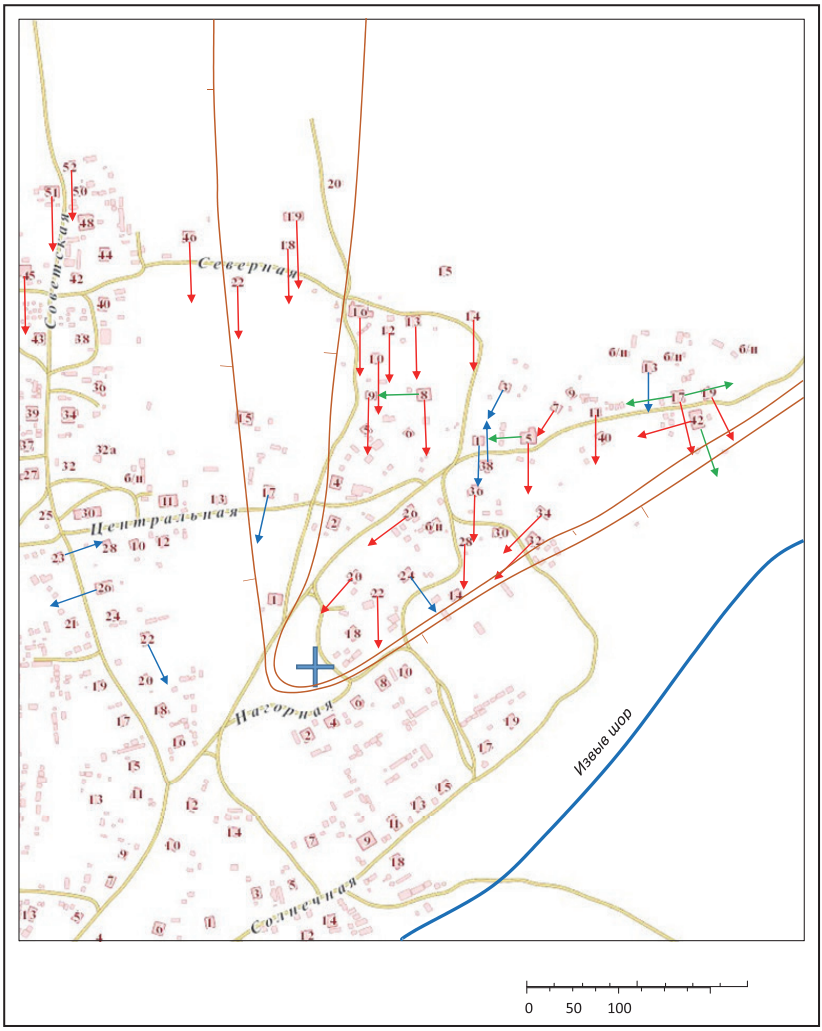

Рис. 11. План села Мордино. Корткеросский район

Рис. 12. Фотография села Брыкаланск (выселок Шорсай). Фото Немчинова С. В. 2013 г.

Рис. 13. Фотография села Кипиево. Фото Рочева А. И. 2013 г.

Рис. 14.
Однокамерный дом с сенником.
Прилузский район, с. Черемуховка.
Фото Чудовой Т.И.
2006 г.

Рис. 15.
Однокамерный дом с крышей с «залобком» и с Г-образной формой связи жилой половины с двором.
Прилузский район, с. Черемуховка.
Фото Чудовой Т.И.
2006 г.

Рис. 16. Изба-двойня.
Прилузский район, с. Прокопьевка.
Фото Чудовой Т.И.
2006 г.

Рис. 17. Изба-двойня. Прилузский район, с. Слудка. Фото Чудовой Т.И. 2006 г.

Рис. 18. Изба-двойня. Прилузский район, с. Летка. Фото Чудовой Т.И. 2006 г.

Рис. 19. Дом с мезонином. Прилузский район, с. Черемуховка. Фото Чудовой Т.И. 2006 г.

Научное издание

ДОМ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник научных трудов

Составители: *Татьяна Ивановна Чудова,*
Татьяна Степановна Канева

Редактор *С.Б. Свигзова*
Корректор *Н.А. Габова*
Верстка и компьютерный макет *О.Н. Низовцева*

Подписано в печать 22.09.2015. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 8,1. Уч.-изд. л. 7,3.
Заказ № 202. Тираж 100 экз.

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина
167023. Сыктывкар, Морозова, 25